

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра восточных языков

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ И.Г. Нагибина
«_____» _____ 2024 г.

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

45.05.01 Перевод и переводоведение

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИКИ ЯДЕРНОГО ВООРУЖЕНИЯ
КНР В КИТАЙСКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ**

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц., зав. каф. ВЯ
И.Г. Нагибина

Научный консультант

преп. каф. ВЯ
С.В. Ухоботова

Выпускник

А.С. Бельский

Нормоконтролер

И.А. Рабцевич

Красноярск 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ.....	7
1.1. Сущность и основные характеристики массмедийного дискурса	7
1.1.1. Взаимосвязь политического, военного и массмедийного дискурсов	11
1.1.2. Особенности структуры, функций и методов исследования массмедийного дискурса.....	15
1.2. Понятие и аспекты реализации политики ядерного вооружения	21
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	27
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ЯДЕРНОГО ВООРУЖЕНИЯ КНР В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ	29
2.1. Лингвистическая репрезентация политики ядерного вооружения КНР в китайских и англоязычных СМИ	29
2.1.1. Реализация политики ядерного вооружения кнр в англоязычных СМИ	30
2.1.2. Реализация политики ядерного вооружения кнр в китайских СМИ	45
2.2. Статистический анализ коммуникативных стратегий и тактик, применяемых в англоязычных и китайских СМИ	59
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	67
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	69

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время вопрос создания и применения ядерного вооружения остается открытым с момента его первого применения 16 июля 1945 г. Реализация политики ядерного вооружения осуществляется посредством освещения актуальных изменений в ее структуре в рамках военных доктрин государств-обладателей ядерного потенциала, выступлений политических лидеров таких стран, а также продуктов массмедиа, связанных с регулированием вооружения в стране и мире, а также создание единого образа политики ядерного вооружения в КНР. С момента создания первых образцов ядерного вооружения политика КНР в данной сфере претерпела множество изменений под влиянием различных геополитических процессов, таких как: совершенствование и распространение ядерных комплексов у государств-партнеров и стран-конкурентов, а также реализация договора о нераспространении ядерного оружия в 1968 г. Также вопрос реализации ядерного потенциала КНР является причиной обеспокоенности западных государств, поэтому проблема наращивания и использования ядерного оружия КНР является одной из самых неоднозначных и нерешенных проблем, которая распространилась по всему миру.

Актуальность темы обуславливается не только необходимостью изучения социально-прагматического контекста современной реальности, выраженного посредством геополитических интересов взаимодействия Китая с другими странами, но и малоизученностью понятия «политика ядерного вооружения» в контексте медиадискурса.

Цель работы: изучить коммуникативные стратегии и тактики, применяемые в англоязычных и китайских новостных статьях, связанных с политикой ядерного вооружения КНР.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие **задачи:**

1. Описать сущность и характеристики массмедийного дискурса.

2. Изучить взаимосвязь политического, военного и массмедийного дискурсов.

3. Исследовать подходы к изучению массмедийного дискурса, определить особенности понятий «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика».

4. Рассмотреть исторический аспект формирования политики ядерного вооружения.

5. Проанализировать основные коммуникативные стратегии и тактики, используемые в описании политики ядерного вооружения.

6. Выявить закономерность использования конкретных коммуникативных стратегий и тактик при создании статей, посвященных политике ядерного вооружения КНР.

Основными **методами** в данной работе выступают: 1) описательно-аналитический метод, 2) метод сплошной выборки, 3) дискурс-анализ, 4) лексико-семантический анализ, 5) описательно-аналитический метод, б) сравнительный анализ.

Объектом настоящего исследования является коммуникативные стратегии и тактики, репрезентирующие политику ядерного вооружения КНР, в массмедийном дискурсе китайских и англоязычных СМИ.

Предметом настоящего исследования являются языковые средства, реализующие коммуникативные стратегии и тактики.

В качестве **теоретико-методологической базы** исследования были использованы труды таких ученых, как: Н.Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк, Т.Г. Добросклонская, С.С. Зайченко, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Е.В. Клементьева, Н.А. Красавский, Е.П. Маслина, О.Л. Михалева, Н.Е. Назарова, А.В. Олянич, О.Н. Паршина, М.В. Путилина, В.С. Соседова, Е.С. Сычева, Л.Б. Темникова, М.Н. Федулова, Н. Уиллер, Л. Филлипс, Ж. Чжан.

Материалом для исследования послужили новостные статьи и сводки, опубликованные с 2020 г. по 2024 г. для информирования населения об

изменениях в сфере политики ядерного вооружения; статьи новостных порталов: 中华人民共和国外交部, 中国网光明日报, 新华网, 联合早报, 腾讯网, CSIS, FAS, Fissilematerials, Gisreportsonline, HAL open science, Reuters, The Interpreter, The New York Times и NPR, U.S. Naval Institute. Количество переведенных статей: 10 на английском и 10 на китайском языках. Общее количество печатных знаков: 80471, на китайском языке: 31890, на английском: 48581.

Теоретическая значимость состоит в том, что данное исследование вносит вклад в развитие языкознания, а именно, таких направлений как: прагмалингвистика и дискурсология.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее результатов для более глубокого понимания внешней и внутренней военной политики Китая в области ядерного вооружения, а также ознакомления с особенностями реализации данной политики в СМИ на китайском и английском языках.

Структура выпускной квалификационной работы состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Во **Введении** обосновывается актуальность, научная новизна настоящего исследования, определяются предмет и объект исследования, ставятся цели и задачи, раскрывается теоретическая и практическая значимость; приводится краткий обзор основных методов и задач, а также литературы.

В **Главе 1** «Теоретико-методологические основы исследования в массмедийном дискурсе» представлено исследование дифференциации терминов «текст» и «дискурс» и «массмедийный дискурс», а также представлено определение понятия «коммуникативная стратегия», «коммуникативная тактика» и «политика ядерного вооружения» с точки зрения отечественных и зарубежных авторов.

В **Главе 2** «Анализ реализации понятия «политика ядерного вооружения» КНР в массмедийном дискурсе на примере новостных статей на

китайском и английском языках» представлен структурный анализ текстов зарубежных статей на наличие конкретных коммуникативных тактик и стратегий, изучены основные речевые особенности текстов на английском и китайском языках, представлен статистический анализ применяемых стратегий и тактик, создающих представление о настоящем положении политики ядерного вооружения КНР.

Заключение содержит в себе основные выводы и перспективы дальнейшего научного исследования.

Список использованной литературы состоит из 64 источников, среди которых 4 на английском и 5 на китайском языках.

Апробация работы. Основные результаты настоящего исследования отражены в докладах на следующих международных научно-практических конференциях:

1. VII Международная научно-практическая конференция «Китайская цивилизация в диалоге культур» (Москва, МГОУ, 20 февраля 2024 г.).

2. XVI Международная научно-практическая конференция молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека». (Красноярск, СФУ, 11–12 апреля 2024 г.).

По теме настоящей работы имеется публикация в журнале из перечня изданий, рецензируемых РИНЦ: Бельский А.С. Особенности репрезентации политики ядерного вооружения Китая в китайских и англоязычных СМИ // Материалы VII Международной научно-практической конференции 20 февраля 2024 г. / отв. ред. М.П. Баева. Москва. Вып. 5. С. 44–52.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Сущность и основные характеристики массмедийного дискурса

Воздействия информации на человека, его способ мышления и его поведение, напрямую связано со средствами массовой коммуникации, которые реализуют свою деятельность в рамках массмедийного дискурса. Информирова человека о состоянии мира и организуя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления и стиль его коммуникативного поведения.

В настоящее время существует проблема дифференциации терминов и понятий одного из ключевых направлений лингвистики, такого как дискурс. Так, например, термин «текст» традиционно соотносится с «дискурсом», но в конкретных лингвистических направлениях и отдельных исследованиях их связь определяется по-разному. О.П. Касимова в своих исследованиях указывает, что понятие «дискурс» не равно определению «текст» [Касимова, 2017: 786].

Согласно определению О.П. Касимовой, основными характеристиками дискурса являются «форма связного текста, обусловленность экстралингвистическими факторами, событийный аспект и целенаправленное социальное действие» [Касимова, 2017: 787].

Н.Д. Арутюнова также акцентирует внимание на таких особенностях дискурса, как его соотнесенность с событийной действительностью, ориентация на коммуникацию, то есть взаимодействие индивидуумов, суггестивность и перцепцию [Арутюнова, 1990: 137].

В то время как текст выступает некой «единицей высшего уровня языковой системы, ограничивающейся анализом формально-грамматической структуры текста – типов внутритекстовых связей, средств их реализации» [Карамова, 2013: 528]. Он также является «исключительно

интерлингвистическим феноменом», который представляет собой цепочку взаимосвязанных друг с другом предложений, дискурс является взаимосвязанной мыслью автора, которая выражается не только во внутренней (связь предложений, словосочетаний, слов друг с другом), но и внешней ситуации [Горбачев, 2003: 20].

Таким образом, текст и дискурс сосуществуют как две части неделимого целого, как отражение, канал и инструмент «доступа» к человеку, которым невозможно ни слиться в единое целое, ни абсолютно отделиться друг от друга.

В свою очередь, концепция массмедийного дискурса основывается на трех подходах: структурном, функциональном и тематическом. Рассматривая массмедийный дискурс через призму структурного подхода, можно утверждать, что существует разница между такими понятиями, как: «текст», «медiateкст» и «массмедийный дискурс». Согласно Т.Г. Добросклонской, текст – это «сообщение, когда медiateкстом является это сообщение в совокупности с каналом, а дискурс – это сообщение в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации» [Добросклонская, 2014: 182].

Основываясь на функциональном подходе, можно утверждать, что главный критерий определения дискурса – взаимосвязь употребления речи с различными сферами человеческой деятельности, что во многом обуславливает особенности речевой коммуникации. При этом дискурсообразующим фактором выступают различные сферы человеческой коммуникации и речевой практики, например, наука, политика, религия и т.д. Исходя из этого можно сделать вывод, что дискурс – это совокупность текстов, имеющих свои особенности и используемых в определенной сфере человеческой деятельности.

Тематический подход к изучению понятия «дискурс» позволяет объединить письменные и устные тексты в виде продуктов речевой деятельности, связанной с определенной социально-значимой темой, которая в определенный момент времени находится под вниманием социума. М.Н. Кожина утверждает, что определение дискурса может зависеть от

личности, которая ведет лингвистическую деятельность в рамках конкретного дискурса, то есть его определение может толковаться как проявление возможностей отдельной языковой личности [Кожина, 2004: 13]. Возникновение массмедийного дискурса напрямую связано с развитием информационных технологий в XX в., а также тенденциями глобализации и компьютеризации. Е.В. Сычева отмечает, что под массмедийным дискурсом понимается «тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в информационном поле массмедиа». Принципиальным отличием этого вида дискурса является представление о способах трансляции знания [Сычева, 2002: 11].

Более того, определение массмедийного дискурса также напрямую связано с общим пониманием дискурса, многочисленными интерпретациями, характеризующими его комплексную природу. Ключевым компонентом теории дискурса является многосторонний комплексный подход к анализу речевой деятельности, понимание дискурса как сложного коммуникативного явления, которое охватывает всю совокупность экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс коммуникации, включая отправителя сообщения, его получателя, различные виды контекста, особенности производства, распространения и восприятия информации, а также культурно-идеологического фона [ван Дейк, 1989: 14.].

Согласно Т.Г. Добросклонской, массмедийный дискурс представляет собой «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2006: 21].

Т.Г. Добросклонская отмечает, что массмедийный дискурс является «сообщением в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации (отправитель, получатель сообщения, канал, обратная связь, ситуация общения или контекст)» [Добросклонская, 2001: 14]. Особенностью современных массмедиа, обеспечивающих процесс взаимодействия всех членов социума и процесс общественного самопознания, является, с одной стороны, стремление

находится в постоянно перемещающейся точке настоящего времени, а с другой стороны, стремления к проективности, благодаря которой медиа воздействует на социум и создает определенные перспективы, связанные с актуальными событиями [Темникова, 2016: 3].

Л.Б. Темникова утверждает, что массмедийный дискурс чувствителен к контексту актуального социального бытия, обозначенного социальным фактом, а также к контексту актуальной идеологии. Он непосредственно направлен на общественное сознание и формирование актуального общественного мнения [Темникова, 2006: 11]. В настоящем исследовании будет использоваться данное понятие массмедийного дискурса, так как в его определении «явление, образующее связанное информационное поле СМИ, распространяющее свое, зачастую формирующее влияние на различные социальные группы аудитории» учитывается взаимосвязь дискурса с актуальной действительностью и способами коммуникативного воздействия [Темникова, 2016: 3].

Массмедийный дискурс отличается специфической, имеющей массовый характер аудиторией и, соответственно, «усредненностью» своего кода, работающего в режиме когнитивно-аксиологических смыслов – понятийных (идентифицирующих), метафорических, образно-символических и ценностных [Темникова, 2016: 4]. Это также обуславливается основной целью массмедийного дискурса – информационно-психологическим воздействием на получателя сообщения. Из этого можно сделать вывод, что массмедийный дискурс напрямую зависит от актуальных социокультурных и политико-идеологических событий. Деятельность субъектов данного типа дискурса направлена не на конкретную, узкую, социальную группу, а на широкую массу людей, что обуславливается использованием коммуникативных каналов массмедиа и адаптацией, а зачастую упрощением, сообщения, которое передается по данным каналам.

Е.В. Сычева также выделяет три подхода к изучению массмедийного дискурса: формальный, прагматический и критический. Данная стратегия

основана на различии аспектов общего объекта анализа – то есть аспектов самого массмедийного дискурса [Сычева, 2002: 15]. Прагматический подход является самым продуктивным в плане теорий, в его рамках выделяется дискурс-анализ. Дискурс-анализ как метод, принцип и самостоятельная дисциплина, открытая по отношению к другим сферам знания, естественным образом воплотил общую направленность исследования на многостороннее, комплексное изучение сложного многомерного феномена языкового общения, которое является объектом лингвистического анализа. Выбранный метод является основным в настоящей работе, так как ключевой целью исследования является изучение закономерностей и связей форм и функций языка, которые равноценно рассматриваются дискурс-анализом.

Следуя всему вышеизложенному, можно прийти к выводу о том, что массмедийный дискурс – это новое направление в рамках дискурс-анализа. Целью массмедийного дискурса является социальное воздействие. Его происхождение обусловлено развитием информационных технологий, основными характеристиками которого являются широкий охват аудитории и зависимость от влияния каналов коммуникации социальных сфер, благодаря которым он функционирует. Более того, следует учитывать особенность чувствительности дискурса к контексту актуального социального бытия, а также к контексту актуальной идеологии, что является важнейшим фактором в понятии «политика ядерного вооружения».

1.1.1. Взаимосвязь политического, военного и массмедийного дискурсов

Исследования массмедийного дискурса становятся актуальными в условиях современного информационного общества, в связи с чем в рамках определенной тематики могут определяться несколько взаимосвязанных типов дискурсов.

Так, например, В.И. Карасик выделяет два основных вида дискурса:

персональный и институциональный и определяет институциональный дискурс как общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Он также отмечает, что в современном коммуникативном пространстве применяются следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [Карасик, 2000: 79].

Следует отметить, что в рамках нашей работы политический дискурс систематизирует представления о феномене ядерного вооружения, данное явление следует рассматривать также с учетом военного дискурса. Так, например, Е.В. Переверзев подчеркивает, что одной из особенностей текстов политического дискурса является характерное многообразие текстовых видов и форм [Переверзев, 2008: 78].

В рамках многообразия текстовых форм и видов создаются прецедентные тексты, которые образуют необходимые условия для происхождения процессов воспроизводства власти на основе эффекта узнавания. Благодаря им возникают контексты политического дискурса. Кроме того, особую роль в формировании контекстов политического дискурса играют медиа, создающие эффекты дистанцированности и театральности [Там же].

Медиа также служат для реализации коммуникативного параметра. Коммуникативный параметр политического дискурса включает в себя элементы сферы отношений между агентами коммуникации, а также стратегию институционализации общения в рамках политического дискурса. Подобная стратегия реализуется посредством массовости коммуникации, размытости границ коммуникативного пространства, фантомности коммуникативных элементов и других прагматических приемов инкорпорирования власти [Там же].

Специфика политической деятельности уточняет и конкретизирует

термин политического дискурса в ряду других, более общих определений дискурса. Так, в рамках социально-информационного подхода Е.В. Горбачева отмечает, что политический дискурс – «отражающее менталитет политических субъектов информационно-коммуникативное взаимодействие между индивидами, группами по поводу согласования политических идей, идеологий, принципов, оценок, мнений, происходящее посредством и через социальные институты для достижения политических целей» [Горбачева, 2007: 9].

Преимуществом коммуникации в рамках политического дискурса является принятие социального консенсуса, обоснование и утверждение политических и социально-политических решений. Для данного типа дискурса характерна коммуникативная природа, тематическая определенность, развитая речевая культура в виде достижения аргументированного консенсуса через обсуждение, аргументацию и согласование различных мнений [Дегтярев, 2002: 2].

Политическую коммуникацию в современных реалиях невозможно представить без СМИ, которые предоставляют широкий спектр коммуникационных каналов. Согласно Г.А. Наминовой природа взаимодействия политики и СМИ двойственна, так как СМИ являются основным каналом воплощения политического дискурса, но также они являются интерпретаторами, которые непосредственно влияют на содержание сообщения, обслуживая конкретные группы интересов, принадлежащие конкретной социальной группе [Наминова, 2001: 4].

Связь дискурса и войны можно по праву считать двусторонней, так как война является «катализатором» деятельности в рамках дискурса, а дискурс освещает ее события и подробности в определенном свете в зависимости от аудитории. По мнению С.А. Киселевой военный дискурс – это «особый вид дискурса, присущий лицам определенного социального (военного) института, использующим специфический набор профессиональных текстов (военно-художественную литературу, военную публицистику, военно-политические

материалы и т.д.)» [Кисилева, 2015: 240], осуществляющим акт коммуникации посредством особых лексических и грамматических языковых конструкций, известных и понятных только лицам данного социального института. Военный дискурс учитывает целостность в лице отдельной группы коммуникантов, составляющих независимый социальный институт, например, армия, связность и интертекстуальность (все профессиональные тексты и языковые конструкции военного дискурса связаны между собой опытом прошлых лет). Таким образом, С.А. Киселева отмечает, что военный дискурс является гибким и интегративным, что подтверждает его взаимодействие и взаимовлияние с другими типами дискурсов [Там же].

Военный дискурс может быть охарактеризован такими отличительными чертами, как:

- 1) императивность;
- 2) четкость;
- 3) логичность излагаемой мысли;
- 4) стандартизированные прототипические модели построения текста;
- 5) коммуникативная напряженность [Шашок, 2018: 117].

Следовательно, в рамках работы принимая во внимание все вышеперечисленные характеристики и особенности политического и военного дискурсов мы будем апеллировать единым термином – военно-политический дискурс, который характеризуется отдельным набором отличительных черт и особенностей от других типов дискурса. В контексте интегративного подхода, ключевыми характеристиками военно-политического дискурса являются оценочность и агрессивность, смысловая неопределенность и фантомность [Назарова, 2021: 113–115]. Более того, посредством военно-политического дискурса возможно наиболее яркое рассмотрение терминов политической лексики, специфики, структуры и реализации данного вида дискурса. Согласно Н.Е. Назаровой, военно-политический дискурс – это «политический дискурс о войне, характеризующийся определенным набором отличительных черт и

особенными характеристиками, присущими военно-политической сфере» [Назарова, 2021].

Военно-политический дискурс является фокусом данного исследования, так как описание понятия «политика ядерного вооружения» с учетом его отличительных черт является подробным и актуальным в рамках данного дискурса. Кроме того, понятие «политика ядерного вооружения» может фигурировать в военном и политическом дискурсах, которые являются составными частями военно-политического дискурса. При этом, существует взаимосвязь военно-политического и массмедийного дискурсов, так как распространение материалов политики ядерного вооружения среди широкой аудитории возможно в массмедийном дискурсе, отличительной особенностью которого является трансляция конкретных материалов на массовую аудиторию с целью определенного влияния на нее.

1.1.2. Особенности структуры, функций и методов исследования массмедийного дискурса

Медиа выступают коммуникационным каналом передачи сообщений от коммуниканта к потребителю информации оказывают непосредственное влияние на их сознание и выполняют важную роль в формировании информационной картины мира. Смысловое наполнение и восприятие информации (в данном случае медиасообщения) зависят от вида медиа. СМИ предоставляют возможность исследовать широкий спектр дискурсов с акцентом на массовые коммуникации. Одна и та же информация, переданная по медиаканалам в разный промежуток времени, может вызывать разные эмоции, отличаясь по степени доверия у реципиентов и привлечению их внимания.

Таким образом, создается новый вид коммуникации между видимым и воспринимаемым, это основано на определенном переживании субъективного времени и образа в медиапространстве [Кобрин, 1997: 96].

Разнообразие и избыточность медиаобразов и медиасообщений создают особую виртуальность, которая способна изменить не только язык, но и окружающее пространство [Там же]. Технический прорыв также не раз влиял на язык и вызывал обеспокоенность. Однако изменения языковых форм неизбежно. Создание новых средств связи с использованием компьютерных систем не приведет к деградации языка, а наоборот, разнообразит его.

Согласно классификации М.Р. Желтухиной существуют следующие функции массмедийного дискурса:

1. Познавательная функция состоит в том, что массмедийный дискурс выступает средством познания мира и освоения его мыслью и словом, поиском, анализом, интерпретацией и информированием. Реализуется в эвристической, мониторинговой и информационной функциях. Ее составляют:

1) эвристическая функция – дискурс пытается ответить на вопрос, «почему» в реальности все происходит определенным образом, получить приблизительное представление о причинах;

2) мониторинговая функция – маркетинговая функция, разновидности которой составляют экспериментальная, аналитическая, аккумулятивная, интерпретативная, прогнозирующая функция – наблюдение за окружающей средой; коррелирование и интерпретация наблюдаемых явлений и рекомендации для реакции на них; определение ожиданий и предпочтений; поддержание социальной общности; определение технологий;

3) информационная функция – информирование о событиях, предметах и явлениях действительности, разновидностями которой выступают образовательная, просветительская.

2. Культурная функция – культурологическая функция – культурно-общественная функция находится на границе с познавательной функцией и заключается в решении познавательной задачи и знакомстве с другими культурами, с достижениями в области культуры, способствует сохранению идентичности культурных традиций этнических меньшинств, что отражается в форме эстетических, социальных и индивидуально-творческих

взаимодействий.

3. Творческая функция – креативная функция – иллюзорная функция – имагинативная функция – эмоциональная функция – эмотивная функция – аффективная функция, иначе референтная функция или функция конструирования языковой реальности, осуществляется в том, что подменяет реальность на основе первичности языковых сущностей над внеязыковыми. Эмотивность устанавливает связь с субъективным миром адресанта, с выражением его переживаний, его отношения к речи, его самооценки, его потребности быть услышанным, понятым. К ее прототипичным носителям принадлежат интонация, метафора, междометие. Эмоции могут стимулировать и облегчать или затруднять и затушевывать когнитивные и другие психические процессы, проявляться спонтанно или намеренно. Все мировоззрения, будучи чувственно воспринимаемыми, покоятся на аффекциях, а понятия – на функциях. Однако метафоры служат как когнитивной, так и аффективной функциям, поскольку в силу своей расплывчатости вызывают эмоции, а не только представления» [Желтухина, 2017: 14].

Более того, функции массмедийного дискурса могут быть рассмотрены в рамках системы «воздействие – адресант». В таких условиях массмедийный дискурс приобретает функции других дискурсов, например, политического и военного, что доказывает его преемственность и комплексность:

1. Репрезентативная функция – усиление художественной выразительности достигается в самопрезентации и психической или коммуникативной разрядке преимущественно посредством литературных тропов и невербальных средств.

2. Экспрессивная функция заключается в мотивации потребителя медиапродукта испытывать определенные эмоции посредством литературных средств выразительности и невербальных средств.

3. Регулятивная – организация и регулирование процессов, воздействие на аудиторию, контроль над общественным мнением [Желтухина, 2007: 191].

Общественное мнение – главный инструмент социализации, социокультурного контроля и управления с помощью языка:

- 1) создание, организация и контроль образов и одновременно политических, социальных и физических «товаров»;
- 2) выражение и поиск фактической информации и интеллектуальных, эмоциональных, моральных установок [Демьянков, 2003: 346].

Более того, разновидностями регулятивной функции политического дискурса являются:

- 1) трансляционная функция;
- 2) интерпретационная функция;
- 3) транспортная функция;
- 4) дифференцирующая функция;
- 5) идентификационная функция;
- 6) перформативная функция;
- 7) воздействующая функция [Козловский, 2022].

Разновидностями воздействующей функции выступают такие подфункции, как: магическая, символическая, религиозная, прагматическая, рекламная, конативная, апеллятивная, аргументативная, оценочная, персуазивная, суггестивная, политическая, идеологическая, пропагандистская, манипулятивная [Желтухина, 2007: 28].

Основным инструментом политического дискурса является манипулирование общественным мнением, которое различается по следующим критериям:

- 1) рефлексивность – формулировка сообщения адресанта должна позволить адресату выявить его цель (обман и манипулирование с помощью языка, непрагматические функции);
- 2) объективность – доступность в принципе любому адресату, владеющему языком и находящемуся в здравом рассудке;
- 3) обязательность – любое высказывание прагматично;
- 4) отделенность от фразического содержания [Желтухина, 2007: 28].

Конативная функция реализует связь с установкой на адресата, со стремлением на него воздействовать, сформировать определенный характер взаимоотношений; в ней находят отображение потребности человека достигать поставленных целей, оказывать влияние на других людей; раскрывается в структурной организации разговора, целевой направленности речи [Berendonner, 1982: 23].

Апеллятивная функция выполняется формами обращения и основана на том, что «получатель» доступен отправителю в качестве адресата, а потому имеется возможность обратной связи с этим адресатом, что вызывает необходимость в учете (отправителем) фоновых знаний своего адресата [Демьянков, 1997: 35].

Аргументационная функция имеет 6 разновидностей: данные; вывод (содержание утверждения); обоснование; предварительные соображения и квалифицированно аргументации и условия, при которых допускаются исключения. Большая часть этих функций в реальном аргументирующем тексте обычно отсутствует, поэтому в рамках описания дискурса следует скорее говорить:

- 1) о данных;
- 2) об утверждении и привязанном к нему;
- 3) квалификации;
- 4) об аргументативных функциях как семантических отношениях внутри текста, служащих цели доказательства или аргументирования, а именно: условие, импликация, каузальность, диагноз, уступка, целеполагание, следствие, сопоставление, поправка, контраст [Майер, 1983: 104].

Именно последними и ограничивается П. Майер в своем определении: аргументативные функции – функции языковых выражений в тексте, указывающие на аргументативный статус конкретного фрагмента текста [Майер, 1983: 106]. Они составляют базовый уровень интерпретации для остальных иллокутивных функций, оперирующих в тексте, указывая на аргументативный статус презентации положения дел в тексте. Неудачно

реализованные аргументативные функции могут помешать отстаиванию точки зрения, иногда даже скомпрометировать сам тезис.

Более того, в рамках методологии массмедийного дискурса следует учитывать лингвистические особенности построения текстов разной направленности, а именно, стратегии и тактики, которые позволяют влиять на военно-политическую позицию адресата в рамках заданной работы.

Согласно О.Н. Паршиной, коммуникативная стратегия определяется как «определенная направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [Паршина, 2013: 12]. В то время как коммуникативная тактика — «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта» [Там же: 136].

Исследователь выделяет стратегии политического дискурса на основе целей, которые преследует тот или иной политик, а именно:

1) побудить адресата проголосовать на выборах за определенного кандидата, партию, блок, движение и т.п.;

2) завоевать авторитет или укрепить свой имидж, «понравиться народу»;

3) убедить адресата согласиться с говорящим, его мнением, принять его точку зрения;

4) создать определенный эмоциональный настрой, вызвать определенное эмоциональное состояние адресата;

5) дать адресату новые знания, новые представления о предмете речи, информировать адресата о своей позиции по какому-либо вопросу [Паршина, 2004: 196].

Руководствуясь данными целями, автор выводит следующие политические стратегии: стратегии самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроения адресата, а также информационно-интерпретационную, аргументативную, агитационную и манипулятивную стратегии, а также тактики, применяемые в ходе реализации этих стратегий: тактика признания существования

проблемы, тактика акцентирования положительной информации, тактика разъяснения, тактика комментирования, тактика рассмотрения информации, тактика указания на путь решения проблемы, тактика единения, тактика обращения к эмоциям адресата, тактика учета ценностных ориентиров, тактика контрастивного (сопоставительного анализа), тактика иллюстрирования, тактика указания на перспективу, тактика обоснованных оценок [Паршина, 2005: 21].

В нашем исследовании мы будем опираться на классификацию речевых стратегий и тактик О.Н. Паршиной, поскольку функция речевого воздействия является ведущей в политическом дискурсе, который также входит в массмедийный дискурс и рассматривается в ее работе «Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России» [Паршина, 2001]. Более того, воздействующая функция коммуникации, рассматриваемая нами в рамках прагматического подхода, также изучается в данной работе. Это позволяет подробно рассмотреть коммуникативное воздействие на уровне разных каналов, а также выявить закономерность использования определенных стратегий и тактик в зависимости от конкретного получателя и адресанта.

Таким образом, массмедийный дискурс представляет собой единую структуру текста, соединяющую разные типы и жанры дискурса с социальными действиями, посредством которых происходит процесс текстового взаимодействия. Более того, при изучении текстов в практической части и выявлении основных критериев военно-политического медиадискурса в Китае мы будем ссылаться на перечень стратегий, представленных выше.

1.2. Понятие и аспекты реализации политики ядерного вооружения

Политика ядерного вооружения является важной составляющей военно-политического дискурса, несмотря на отсутствие четкого понятия принято считать, что данного понятия не существует в военной доктрине, однако

существует целый ряд терминов, характеризующих политику ядерного вооружения России, которые встречаются в иных документах. Разработка комплексного подхода к понятию «политика ядерного вооружения» стала возможной благодаря утверждению Концепции национальной безопасности и Военной доктрины государства» [Маслин, 2000: 53].

Существует несколько аспектов (составляющих) понятия «политика ядерного вооружения», в совокупности объединяющих ядерное вооружение и его развитие в государстве: международно-договорной, военно-политический, военный, военно-технический и технологический. Данная классификация является условной. Поскольку такая структуризация позволяет подробно определить направления разработки ядерной политики [Сафранчук, 2000: 18].

Сугубо военные аспекты политики ядерного вооружения выделены с целью учета основных направлений (способов) обеспечения военной безопасности России, по которым необходимо последующая детальная проработка в военных стратегиях и концепциях [Там же].

Военно-технические аспекты политики ядерного вооружения определяют концепцию развития ядерного оружия и его качественные и количественные уровни. Разработка этих аспектов «политики ядерного вооружения» является центральным связующим звеном всех ее составляющих. В первую очередь военно-техническая политика должна быть соотнесена с характером потенциальных угроз и возможностями их парирования с помощью различных видов ядерных вооружений [Там же].

Технологические аспекты политики ядерного вооружения связаны с необходимостью разработки стратегии, направленной на поддержание требуемых экономических отраслей и компонентов ядерного комплекса [Сафранчук, 2000: 18].

Международно-договорные аспекты связаны с конечной целью договорного процесса в области ядерного вооружения – снижением ядерной опасности для мирового сообщества и создание условий для безопасного и мирного развития ядерной энергетики. В рамках международных договоров,

связанных с политикой ядерного вооружения, устанавливается идеология, определяющая состав и структуру стратегических ядерных запасов. Сутью таких договоров, освещаемых в медиапространстве, может быть обмен детальной информацией о количестве располагаемых ядерных боеприпасов, их ежегодном производстве и демонтаже. Таким образом, контроль мобилизационных возможностей реализуется в рамках ядерного оружейного комплекса государства [Сафранчук, 2000: 18].

Военно-политические аспекты связаны с проведением исследований военно-политической обстановки в мире, стратегией международной безопасности, национальных интересов государства и ролью ядерного оружия в их обеспечении. Данная классификация является условной. Поскольку такая структуризация позволяет подробно определить направления разработки «ядерной политики» [Там же].

Военные, военно-технические и технологические аспекты ядерного вооружения в первую очередь связаны с такими внутренними процессами государства, как: планирование военной стратегии, оценка потенциальных угроз и поддержание требуемых экономических отраслей для реализации существующей политики. В свою очередь, международно-договорные и военно-политические аспекты напрямую связаны с коммуникацией и обменом информацией с международным сообществом, а также исследованием военно-политической обстановки в мире.

Таким образом, в нашем исследовании мы подробно рассмотрим международно-договорной и военно-политический аспекты развития ядерного оружия в государстве, так как в них возможна максимальная реализация стратегии информационного воздействия.

До настоящего времени ядерное сдерживание основывалось на концепции взаимного гарантированного уничтожения. Основанием жизненности такой концепции являлось наличие у сторон побудительных мотивов к нанесению ракетно-ядерного удара. В последнее время обозначились меняющиеся подходы как к самой концепции:

- 1) развитие идеи партнерства между государствами, обладающими ракетно-ядерными технологиями;
- 2) осознание невозможности получения выгод (улучшения своего положения) в результате широкомасштабной ядерной войны;
- 3) расширение сферы применения концепции сдерживания на конфликты с участием субъектов иррационального поведения [Маслин, 2000: 53].

Реализация ядерного сдерживания возможна при подробном анализе конфликтности сторон, уровней заданного (неприемлемого) ущерба и более широкой практике использования психологических аспектов концепции ядерного сдерживания.

Выделяют следующие основные принципы реализации ядерного сдерживания:

- 1) достоверность возможности боевого применения ядерного потенциала;
- 2) гласность основных положений политики ядерного вооружения для обеспечения национальных интересов и военной безопасности;
- 3) решимость высшего военно-политического руководства страны применить в случае необходимости ядерное оружие;
- 4) неопределенность результатов применения ядерного оружия;
- 5) поддержание количественных и качественных параметров ядерного потенциала глобального и регионального масштаба и систем, обеспечивающих его эффективное боевое применение, на уровне, достаточном для выполнения возникающих боевых задач [Маслин, 2000: 7].

Принципы реализации ядерного сдерживания являются неотъемлемой частью нашего исследования, так как они, а именно принцип «гласности основных положений политики ядерного вооружения для обеспечения национальных интересов и военной безопасности» и принцип «решимости высшего военно-политического руководства страны применить в случае необходимости ядерное оружие» [Маслин, 2000: 5], реализуются в рамках

массмедийного дискурса.

Таким образом, несмотря на развитие ядерного потенциала, ядерное оружие продолжает сохранять свою роль основного инструмента стратегического сдерживания в мире и с большой долей вероятности будет сохранять ее в обозримом будущем.

Опираясь на вышеизложенные данные, можно установить, что все определения данной политики в совокупности представляют собой комплекс мероприятий по наращиванию и регулированию ядерного потенциала внутри страны, регламентированном принципами Национальной безопасности, военной доктриной государства и международными соглашениями.

В зарубежных источниках указывается, что предположения и общая настороженность по поводу ухода от ядерного оружия в мире предполагают понимание того, что политика в области ядерного оружия не должна проводиться без понимания ее населением или, по крайней мере, не вопреки общественному согласию. Также ожидается, что уровень настороженности, вызванной угрозой применения ядерного вооружения, будет понижаться, в то время как поддержка политики в области ядерного оружия будет оставаться неизменной в период прекращения гонки вооружения. Это утверждение было сделано учеными-антиядерщиками, Кеном Бутом и Николасом Уилером. Вопрос остается полностью неизученным, поскольку большая часть западной научной литературы эпохи «ядерной гонки» посвящена внешней политике и ее взаимосвязью с новым видом вооружения, а не отношению общественности к мерам по контролю оружия [Pelopidas, 2017: 3].

Актуальная литература об отношении людей к ядерному оружию фокусируется на взрослой аудитории США и Великобритании. Одним из примеров является Всемирный опрос 2008 г., в ходе которого выяснялось, поддерживает ли население данных государств соглашение о ликвидации ядерного оружия. В результате, 77% населения проголосовали за ликвидацию ядерного вооружения [Kull, Ramsay, 2008: 4]. Также данное отношение населения к вопросу политики ядерного вооружения подтверждают статьи

того времени, например, *The Logic of Zero: Toward a World Without Nuclear Weapons*, *The Road to Nuclear Disarmament* и *NUCLEAR WEAPONS – THE FACTS*, опубликованные на информационных ресурсах: Council on Foreign Relations, UNITED NATIONS и NEW INTERNATIONALIST соответственно. Исходя из этого, можно проследить взаимосвязь общественного мнения о политике ядерного вооружения и повестки информационных продуктов, выпускаемых для широкой аудитории.

Понимание того, как общество относится к ядерному оружию, также имеет большое значение. Во-первых, научные данные свидетельствуют о том, что народные движения оказали значительное влияние на политику в отношении ядерного оружия во всем мире. Это позволяет установить закономерность, что они могут также оказать подобное влияние в ближайшем будущем [Там же].

Согласно вышеизложенной информации, политика ядерного вооружения представляет собой основу использования и развития ядерных сил. Она тесно связана с военной, политической и внешнеполитической сферой государства и сформулирована в соответствии с международной стратегической обстановкой и общими требованиями, установленными государством или политической группировкой. Она обычно включает цели, руководящие принципы и нормы по созданию и развитию ядерных сил, а также основное отношение к ядерной войне, применению ядерного оружия и т.д. Политика характеризуется открытостью и согласованностью, а также осуществляет регулирующее и сдерживающее воздействия на ядерную стратегию.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В настоящей работе было представлено, что понятия «текст» и дискурс» не являются синонимичными. Текст выступает как единица и средство коммуникации, тогда как дискурс представляет собой совокупность текстов, их процессов и действий, сопровождающих все этапы становления текста в медиапространстве.

В теоретической части отдельно были рассмотрены понятия политического и военного видов дискурса в рамках массмедиа и объединены в специфический тип дискурса – военно-политический, который в свою очередь обладает присущими ему лингвостилистическими особенностями и (не)языковыми факторами: оценочность и агрессивность, смысловая неопределенность и фантомность.

Также рассмотрены подходы к изучению понятия «политика ядерного вооружения», аспекты понятия «политика ядерного вооружения» и взаимосвязь некоторых из них со стратегиями информационного воздействия.

Была выбрана классификация коммуникативных стратегий и тактик, применяемых в ходе реализации политики ядерного вооружения в рамках прагматического подхода. В данной работе мы используем стратегию О.Н. Паршиной в связи со смежностью целей политического и массмедийного дискурсов – оказать информационно-психологическое влияние на конкретную аудиторию.

Кроме того, была выявлена взаимосвязь между общественным мнением и медиапродуктами, посвященными актуальной «политике ядерного вооружения», которая заключается в трансляции определенного превалирующего мнения аудитории в продуктах СМИ с учетом актуальных изменений в сфере реализации данного вооружения.

Следует отметить, что нами также рассмотрено понятие «политика ядерного вооружения», которое имеет множество определений, сопоставив которые можно сделать вывод, что он включает в себя стратегический процесс

сдерживания, предотвращения или устрашения противника посредством угрозы применения ядерного оружия.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ЯДЕРНОГО ВООРУЖЕНИЯ КНР В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Лингвистическая репрезентация политики ядерного вооружения КНР в китайских и англоязычных СМИ

Существует зависимость между социальным строем государства и курсом его политического развития. Например, Китай как социалистическая ядерная держава неизменно придерживается оборонительного курса политики ядерного вооружения. Однако США установили свою ядерную политику путем постоянных корректировок и изменений, включая политику ядерного развития, политику ядерного сдерживания, применения и контроля над ядерным оружием [王金志, 2022].

Кроме того, понятие политики ядерного вооружения тесно взаимосвязано массмедийным дискурсом, так как из-за открытости вопроса контроля вооружения его изучение может также происходить посредством социальных опросов, публицистических статей и политических мероприятий, широко иллюстрируемых в медиа-поле. Для освещения изменений в области данной политики авторы могут использовать конкретные коммуникативные стратегии и тактики для достижения определенных целей и информационного воздействия на читателей. Также выбор конкретных стратегий зависит не только от цели автора, но и от общей повестки и военной доктрины страны.

Таким образом, мы можем выявить закономерность использования коммуникативных стратегий и тактик в рамках массмедийных продуктов конкретного государства, а также выявить связь данных стратегий и тактик с общим мнением внутри страны по поводу изменений в области политики ядерного вооружения КНР.

2.1.1. Реализация политики ядерного вооружения КНР в англоязычных СМИ

Стратегия эмоционального настроя адресата – это использование говорящим таких языковых средств, которые способствуют формированию у аудитории эмоций и чувств, необходимых отправителю сообщения [Паршина, 2005: 5]. В рамках стратегии самопрезентации могут применяться следующие тактики: тактика нейтрализации негативного представления о себе, тактика гипертрофирования, тактика акцентирования положительной информации, тактика эпатирования, тактика насмешки [Там же: 8].

Тактика акцентирования положительной информации применяется для обращения внимания объекта коммуникации на преимущества, которыми обладает предмет коммуникации.

Тактика акцентирования положительной информации, может применяться для обозначения аспектов развития ядерных сил КНР, которые вызывают настороженность у англоязычных авторов, и репрезентируется в языке посредством эпитетов и лексических единиц с положительной коннотацией:

1. For decades, the People's Republic of China (PRC) has been involved in an **unprecedented** military **modernization** of the People's Liberation Army (На протяжении десятилетий Китайская Народная Республика (КНР) участвовала в **беспрецедентной** военной **модернизации** Народно-освободительной армии).
2. Beijing is undertaking a **significant** expansion and diversification of its nuclear forces (Пекин предпринимает **значительные** усилия по расширению и диверсификации своих ядерных сил).
3. Even more worrying, these new Chinese silos could house the PLARF's **most modern** ICBM, the DF-41, which is reported to carry as many as three multiple independently targetable reentry vehicles (MIRVs) per missile (Еще более тревожным является тот факт, что в этих новых китайских шахтах могут

размещаться **самые современные** МБР PLARF, DF-41, которые, как сообщается, могут нести до трех разделяющихся боеголовок независимого наведения на каждую ракету) (GIS Reports: China's nuclear weapons buildup, 2023).

4. China's nuclear expansion is among **the largest and most rapid** modernization campaigns of the nine nuclear-armed states (Ядерная экспансия Китая является одной из **крупнейших и наиболее быстрых кампаний** по модернизации среди девяти государств, обладающих ядерным оружием) (FAS: Chinese Nuclear Forces, 2024: A Significant Expansion, 2024).

В данных фрагментах использование положительной лексики оправдано объективным фактом улучшения ядерного оружия КНР. Также развитие ядерного потенциала КНР вызывает опасение у западных стран, поэтому совершенствование ядерного оружия является серьезным вопросом для них.

Данная стратегия может также реализовываться посредством тактики насмешки, которая выражается в виде слов-ярлыков, а также ироничной коннотации определенных высказываний:

1. China's Waterlogged Missiles Don't Matter (Наполненные водой ракеты Китая ничего не значат).

2. In a worst-case scenario, the silos could have been intended as a «**sponge**» in a nuclear exchange (В худшем случае бункеры могли бы использоваться в качестве «**губки**» при обмене ядерными ударами).

3. Finally, while **there may be water in some of China's missiles now**, it cannot be assumed that this will remain the case (Наконец, хотя **в некоторых китайских ракетах сейчас может быть вода**, нельзя предполагать, что так будет и впредь).

4. Some PRC security strategists have voiced an interest in low-yield nuclear weapons, which could provide the PLA with «asymmetric capabilities that could be employed coercively during an escalation crisis, similar to Russia's **irresponsible nuclear saber-rattling** during its war against Ukraine,» as recently observed by U.S. Air Force General Anthony Cotton, the current Commander of U.S.

Strategic Command (Некоторые стратеги безопасности КНР выразили заинтересованность в ядерном оружии малой мощности, которое могло бы предоставить НОАК «асимметричные возможности, которые можно было бы использовать принудительно во время эскалации кризиса, **подобно безответственному бряцанию ядерным оружием** России во время ее войны против Украины», как недавно заметил генерал ВВС США Энтони Коттон, нынешний командующий Стратегическим командованием США).

5. Just because you build the silos doesn't mean you have to fill them all with missiles... They can move them around (То, что вы строите бункеры, не означает, что вы должны заполнять их ракетами... Они могут перемещать их с одного места на другое).

6. Government information about China's arsenal may not be accurate or reliable, comparing it to assessments of «**systematically overinflated Soviet capabilities**» during the Cold War (Информация со стороны правительства об арсенале Китая может быть неточной или ненадежной, если сравнивать ее с оценками «**систематически раздуваемого советского потенциала**» во время холодной войны).

7. Corruption in the Chinese military rightly should raise questions about its ability to achieve military objectives and reach the «**great rejuvenation**» envisioned by Xi (Коррупция в китайских вооруженных силах по праву должна вызывать вопросы о ее способности достигать военных целей и осуществлять «**великое омоложение**», предусмотренное Си Цзиньпином) (CSIS: China's Waterlogged Missiles Don't Matter, 2024).

Использование данных средств объясняется интенцией показать несостоятельность политики ядерного вооружения КНР несмотря на принятые меры по ее модернизации.

Стратегия дискредитации реализуется прежде всего в тактиках обвинения и оскорбления путем применения оценочных суждений и соответствующей лексики. [Паршина, 2005: 5] Также в рамках данной стратегии реализуется гиперболизация, которая выражается в намеренном

преувеличении определенных аспектов решений правительства КНР, а также фразы-ярлыки и эпитеты. Это демонстрирует отношение западных авторов к главному конкуренту в ядерной гонке – Китаю:

1. Subsequent reporting by Bloomberg indicated the purge was due to «**widespread corruption**» (В последующем сообщении агентства Bloomberg указывалось, что чистка была вызвана «**широко распространенной коррупцией**») (CSIS: China's Waterlogged Missiles Don't Matter, 2024).

2. As a result, the commission warned China could undermine the existing **international order** and **increase the risk** of conflict and nuclear use (В результате комиссия предупредила, что Китай может подорвать существующий **международный порядок** и **увеличить риск** конфликтов и применения ядерного оружия) (FAS: Chinese Nuclear Forces, 2024: A «Significant Expansion», 2024).

3. China's nuclear program suggests significant implications for U.S. and **global security** (Ядерная программа Китая предполагает значительные последствия для безопасности США и **всего мира**) (NTI: A «Significant Expansion», 2023).

4. Now, rather than view North Korea as an unruly, angry neighbor, China has welcomed it, along with Russia and Iran, as part of what White House officials call a **coalition of the aggrieved** (Теперь, вместо того чтобы рассматривать Северную Корею как неуправляемого, разгневанного соседа, Китай приветствовал ее, наряду с Россией и Ираном, как часть того, что представители Белого дома называют **коалицией обиженных**) (New York Times: Inside Biden's Renewed Promise to Protect South Korea From Nuclear Weapons, 2023).

5. The «stop at nothing» narrative logically entails escalation if conventional means fail to achieve success (Концепция «не останавливаться ни перед чем» логически влечет за собой эскалацию, если традиционные средства не приводят к успеху) (U.S. Naval Institute: The Next Taiwan Crisis Will (Almost) Certainly Involve Nuclear Threats, 2024).

6. Xi's government subsidizes companies supplying the **illegal fentanyl trade responsible for the overdoses** that are now, as The Post has reported, the leading cause of death for Americans between the ages of 18 and 49 (Правительство Си Цзиньпина субсидирует компании, занимающиеся **незаконной торговлей фентанилом, ответственные за передозировки**, которые в настоящее время, как сообщает The Post, являются основной причиной смерти американцев в возрасте от 18 до 49 лет) (The Washington post: The high cost of failing to contain China, 2024).

7. These developments suggest that the PLARF is not just a «provider» of key military capabilities but has become a **«potential source of coercive leverage»** for Beijing (НОАК является не просто «поставщиком» ключевых военных возможностей, но и стала **«потенциальным источником рычагов принуждения»** для Пекина) (The Lowly Institute: By the numbers: China's nuclear inventory continues to grow, 2024).

8. Even if China ends up with more inter-continental ballistic missiles (ICBMs) than the United States and grows its nuclear arsenal to 1,500 warheads by 2035 as per Pentagon projections, that **«does not give China parity»** (Даже если Китай в конечном итоге получит больше межконтинентальных баллистических ракет (МБР), чем Соединенные Штаты, и увеличит свой ядерный арсенал до 1500 боеголовок по прогнозам Пентагона, к 2035 году это **«не даст Китаю паритета»**) (The Lowly Institute: By the numbers: China's nuclear inventory continues to grow, 2024).

Данные примеры иллюстрируют несостоятельность ядерных сил КНР, а также потенциальную угрозу со стороны данного государства при попытке улучшить свою систему ядерного вооружения. Данное решение объясняется целью подавить попытки Китая развить свою систему вооружения в глазах читателя.

Аргументативная стратегия преследует ту же цель, что и манипулятивная, – убедить адресата, однако аргументативная стратегия противостоит ей, отличаясь типом тактик. Аргументативные тактики, в

отличие от манипулятивных, основываются на разумных доводах, как рациональных, так и эмоциональных, апеллирующих к ценностям адресата. Тактиками аргументативной стратегии являются: тактика обоснованных оценок, тактика указания на перспективу, тактика признания существования проблемы и тактика иллюстрирования [Паршина, 2005: 5].

Тактики обоснованных оценок и указания на перспективу применяются относительно часто и проявляются в количественном подсчете ядерного потенциала КНР с соответствующими выводами:

1. China currently has an estimated 410 nuclear weapons, but the Department of Defense predicts this **could reach 1,500 by 2035** (В настоящее время Китай располагает примерно 410 ядерными боеголовками, но Министерство обороны прогнозирует, что к **2035** году их число может достигь **1500**) (CSIS: China's Waterlogged Missiles Don't Matter, 2024).

2. News of the purges, corruption in the military, and potential subversion of China's missiles raises questions about whether or not these concerns are well founded and if China is on track to develop an arsenal rivaling the United States' both quantitatively and qualitatively **by 2035, as predicted, or if it is developing a «Potemkin» arsenal** (Новости о чистках, коррупции в вооруженных силах и потенциальной подрывной деятельности китайских ракет вызывают вопросы о том, обоснованы ли эти опасения, и находится ли Китай на пути к созданию арсенала, конкурирующего с арсеналом Соединенных Штатов как в количественном, так и в качественном отношении, к **2035** году, как и прогнозировалось, или же он разрабатывает арсенал ракет «Потемкин») (CSIS: China's Waterlogged Missiles Don't Matter, 2024).

3. **The latest Pentagon projection appears** to apply the same growth rate of new warheads added to the stockpile **between 2019 and 2021 to the subsequent years until 2035**. FAS assesses that **this projected growth trajectory is feasible** but depends significantly upon many uncertain factors and assumptions (Согласно последнему прогнозу Пентагона, в период с **2019** по **2021** год запасы новых боеголовок будут увеличиваться такими же темпами, как и в последующие

годы, вплоть до **2035** года. По оценке FAS, эта **прогнозируемая траектория роста** осуществима, но в значительной степени зависит от многих неопределенных факторов и допущений) (FAS: Chinese Nuclear Forces, 2024: A Significant Expansion, 2024).

4. That figure is still a fraction of the more-than 5,000 warheads the United States and the Russian Federation say they each possess in their nuclear stockpiles (of which **under 1,500 warheads are ready to be launched at any time**). The Pentagon estimates that China is aiming for about **1,500 total nuclear warheads** in their arsenal **by 2035** (Эта цифра по-прежнему составляет лишь малую толику от более чем 5000 боеголовок, которые, по заявлениям Соединенных Штатов и Российской Федерации, имеются в их ядерных арсеналах (из которых менее **1500 боеголовок готовы к запуску в любое время**). По оценкам Пентагона, к **2035** году Китай планирует иметь в своем арсенале **в общей сложности около 1500 ядерных боеголовок**) (NPR: New Pentagon report claims China now has over 500 operational nuclear warheads, 2023).

5. «And so, that's on track to exceed some of our previous projections», said a senior defense official briefing journalists this week. The report projects that China will reach 1,000 operational nuclear warheads **by 2030** and may also be developing non-nuclear warheads that could reach parts of the continental United States («Итак, это на пути к тому, чтобы превзойти некоторые из наших предыдущих прогнозов», - сказал высокопоставленный представитель министерства обороны на брифинге для журналистов на этой неделе. В докладе прогнозируется, что к **2030** году Китай достигнет 1000 действующих ядерных боеголовок и, возможно, также разрабатывает неядерные боеголовки, которые могут достичь некоторых районов континентальной части Соединенных Штатов) (NPR: New Pentagon report claims China now has over 500 operational nuclear warheads, 2023).

6. China has since more than doubled the number of warheads in its arsenal, according to the latest Pentagon report, «confirming that the rapid modernization foreshadowed several years ago is on track», in China, says Fravel

(Согласно последнему отчету Пентагона, с тех пор Китай более чем удвоил количество боеголовок в своем арсенале, «подтверждая, что быстрая модернизация, о которой говорилось несколько лет назад, идет полным ходом», – сообщает Фривел) (NPR: New Pentagon report claims China now has over 500 operational nuclear warheads, 2023).

7. Analysts said the move demonstrated how Beijing's military **might blockade Taiwan and cut it off from critical energy supplies in the future** (По мнению аналитиков, этот шаг продемонстрировал, как военные силы Пекина **могут блокировать Тайвань и отрезать его от важнейших источников энергоснабжения в будущем**) (NPR: New Pentagon report claims China now has over 500 operational nuclear warheads, 2023).

8. China's two plutonium production reactors produced an estimated 3.2 ± 0.6 tonnes of weapon-grade plutonium. Of this amount, about 360 kg of plutonium is estimated to have been consumed in China's nuclear tests and lost in production. The current inventory of weapon-grade plutonium is therefore estimated to be 2.9 ± 0.6 tonnes. (На двух китайских реакторах по производству плутония было произведено, по оценкам, $3,2\pm 0,6$ тонны оружейного плутония. Из этого количества около 360 кг плутония, по оценкам, было израсходовано в ходе ядерных испытаний в Китае и потеряно при производстве. Таким образом, текущие запасы оружейного плутония оцениваются в $2,9\pm 0,6$ тонны) (International Panel on Fissile Materials: Fostering initiatives to reduce stocks and end the production and use of highly enriched uranium and plutonium, 2024).

9. Moreover, the construction of hundreds of new intercontinental ballistic missile (ICBM) silos and advancements in novel nuclear-capable weapons have raised further concerns about the country's nuclear doctrine (Более того, строительство сотен новых пусковых установок для межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и разработка новых видов ядерного оружия вызвали дополнительную обеспокоенность по поводу ядерной доктрины страны) (GIS: China's nuclear weapons buildup, 2023).

10. China had been assessed to possess approximately 20 ICBM silos and

100 road-mobile ICBM launchers, with an operational nuclear warhead count in the low 200s. These numbers have begun to change rapidly. Today, it is estimated that the PRC is constructing at least 300 additional ICBM silos in three new missile fields in the northwestern desert. **According to a 2023 Pentagon assessment, China now has more ground-based (fixed and mobile) ICBM launchers than the U.S.** (Согласно оценкам, Китай располагает примерно 20 шахтными пусковыми установками МБР и 100 передвижными пусковыми установками МБР, а количество действующих ядерных боеголовок составляет менее 200 единиц. Эти цифры начали быстро меняться. Сегодня, по оценкам, КНР строит по меньшей мере 300 дополнительных шахт для МБР на трех новых ракетных полигонах в северо-западной пустыне. **Согласно оценке Пентагона на 2023 год, у Китая сейчас больше наземных (стационарных и мобильных) пусковых установок МБР, чем у США**) (GIS: China's nuclear weapons buildup, 2023).

11. And if China continues with the pace of its nuclear expansion, **at the rate anticipated in 2022, China is likely to have a stockpile of about 1,500 warheads by 2035**, the timeline by which the Chinese military plans to «basically complete modernisation». The New York Times also reported in December last year that China may be preparing a military installation to «test a new generation of nuclear weapons» (И если Китай продолжит наращивать ядерную мощь теми темпами, которые ожидаются в 2022 году, то к 2035 году у Китая, вероятно, будет запас примерно в **1500 боеголовок, что соответствует срокам, к которым китайские военные планируют «в основном завершить модернизацию»**. В декабре прошлого года газета New York Times также сообщила, что Китай, возможно, готовит военную базу для «испытания ядерного оружия нового поколения») (The Lowly Institute: By the numbers: China's nuclear inventory continues to grow, 2024).

Данные примеры иллюстрируют применение всех вышеупомянутых тактик в рамках аргументативной стратегии. Это решение объясняется целью объективного прогнозирования последствий модернизации политики

ядерного вооружения КНР.

Стратегия самопрезентации – эмоциональной «самоподачи» автора, косвенной демонстрации психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях. Создание положительного впечатления об адресанте актуализирует доверие аудитории к говорящему [Паршина, 2005: 8]. Данная стратегия может проявляться посредством тактики сопоставительного анализа:

1. Given China's estimated 400 nuclear warheads, it is projected to have as many as 1,000 warheads by 2030 and 1,500 by 2035. These figures would place the PRC on par with the 1,550 deployed nuclear warheads allowed to the U.S. and Russia under the 2010 New Strategic Arms Reduction Treaty (New START) (Учитывая, что Китай располагает примерно 400 ядерными боеголовками, по прогнозам, к 2030 году у него будет до 1000 боеголовок, а к 2035 году – 1500. Эти цифры ставят КНР в один ряд с 1550 развернутыми ядерными боеголовками, разрешенными США и России в соответствии с Новым договором о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) 2010 года) (GIS: China's nuclear weapons buildup, 2023).

2. China may be accelerating its efforts to develop a nuclear arsenal, according to a new report from the Pentagon, as part of its ongoing efforts to modernize and revamp its fighting forces in order to match U.S. military capabilities (Согласно новому отчету Пентагона, Китай, возможно, ускоряет свои усилия по созданию ядерного арсенала в рамках продолжающихся усилий по модернизации и переоснащению своих вооруженных сил, чтобы они соответствовали военному потенциалу США) (NPR: New Pentagon report claims China now has over 500 operational nuclear warheads, 2023).

3. «The PRC has often stated that their **aversion** to greater transparency about their nuclear force has been **based on the numerical asymmetry between the U.S, and Russia**», the official said («КНР часто заявляла, что их **неприятие** большей прозрачности в отношении своих ядерных сил **основано на численной асимметрии между США и Россией**», – сообщил чиновник)

(NPR: New Pentagon report claims China now has over 500 operational nuclear warheads, 2023).

4. Despite the growing number of China's nuclear weapons, they are still **much lower than** what Russia and **the United States** have. The United States **has a stockpile of about 3,700 nuclear warheads, of which roughly 1,419 strategic nuclear warheads were deployed** (Несмотря на растущее количество ядерного оружия Китая, оно по-прежнему **намного меньше**, чем у России и **Соединенных Штатов**. Соединенные Штаты **располагают запасами примерно в 3700 ядерных боеголовок, из которых примерно 1419 стратегических ядерных боеголовок были развернуты**) (NPR: New Pentagon report claims China now has over 500 operational nuclear warheads, 2023).

5. Last year's report warned that Beijing was rapidly modernizing its nuclear force and was on track to **nearly quadruple the number of warheads it has to 1,500 by 2035. The US has 3,750 active nuclear warheads** (В прошлогоднем докладе говорилось, что Пекин стремительно модернизирует свои ядерные силы и собирается увеличить количество боеголовок **почти в четыре раза до 1500 к 2035 году. У США 3750 активных ядерных боеголовок**) (NPR: New Pentagon report claims China now has over 500 operational nuclear warheads, 2023).

6. **The US has committed billions of dollars** in military weapons to Taiwan to build up its defences and help it rebuff any potential attack (**США выделили Тайваню миллиарды долларов на закупку военного оружия, чтобы укрепить его оборону и помочь ему отразить любое потенциальное нападение**) (U.S. Naval Institute: The Next Taiwan Crisis Will (Almost) Certainly Involve Nuclear Threats, 2024).

7. The report also noted that China has increased its harassment of US warplanes flying in international airspace in the region and recorded **more than 180 instances** where Chinese aircraft aggressively intercepted **US military flights** (В докладе также отмечается, что Китай усилил преследование военных

самолетов США, совершающих полеты в международном воздушном пространстве в регионе, и зафиксировал **более 180 случаев**, когда китайские самолеты агрессивно перехватывали **военные полеты США**) (The Lowly Institute: By the numbers: China's nuclear inventory continues to grow, 2024).

Данные примеры иллюстрируют потенциальные возможности ВС США относительно развивающейся КНР, а также свидетельствуют о превосходстве данного государства и его попытках занять более выгодное положение в области военной политики. Помимо часто приводимых статистических сравнений авторы статей нередко используют упоминание факта того, что Китай только готовит новые единицы вооружения, когда США уже имеет развернутые военные комплексы, что повышает доверие к уровню подготовки армии США на контрасте с перспективами их оппонента.

В политической коммуникации манипуляция часто используется и в качестве стратегии, как специфическая установка на общение, и в качестве приема, как ситуативное и косвенное средство воздействия. Данная стратегия используется с целью оправдать свои неправомерные действия перед аудиторией, а также для убеждения ее в правильности принятых решений [Паршина, 2005: 12]. Данная стратегия является стратегией агрессивной коммуникации, однако подготовленный коммуникант может противостоять воздействию данной стратегии.

В рамках создания работ, посвященных политике ядерного вооружения КНР, данная стратегия реализуется посредством использования риторических высказываний, тактики указания на путь решения проблемы и тактики признания проблемы:

1. **While Xi's purge and questions about the state of the Chinese arsenal may not change anything** in U.S. strategic planning, **they do reinforce the need for cooperative arms control and risk reduction with Beijing** (Хотя чистка Си Цзиньпина и вопросы о состоянии китайского арсенала, возможно, ничего не изменят в стратегическом планировании США, они усиливают необходимость сотрудничества с Пекином в области контроля

над вооружениями и снижения рисков) (CSIS: China's Waterlogged Missiles Don't Matter, 2024).

2. **Transparency and arms control traditionally work hand in hand**, as states are reluctant to sign up to agreement without having some means of confirming compliance. **Additionally, however, transparency can reduce risks of misperception and escalation** (**Прозрачность и контроль над вооружениями традиционно работают рука об руку**, поскольку государства неохотно подписывают соглашения, не имея возможности подтвердить их соблюдение. **Кроме того, прозрачность может снизить риски неправильного восприятия и эскалации**) (NTI: A «Significant Expansion», 2023).

3. While these dialogues did not yield any concrete arms control agreements, they have the potential to be a meaningful foundation for future progress (Хотя эти диалоги не привели к каким-либо конкретным соглашениям по контролю над вооружениями, они потенциально могут стать значимой основой для будущего прогресса) (CSIS: China's Waterlogged Missiles Don't Matter, 2024).

4. China claims the self-governed island as its breakaway province and **has vowed to take it one day**. (Китай называет самоуправляемый остров своей отколовшейся провинцией и **пообещал в один прекрасный день захватить его**) (NPR: New Pentagon report claims China now has over 500 operational nuclear warheads, 2023).

5. **In an era of intensifying great power competition**, primarily involving the United States and China, **these developments pose questions about the future of peace, stability and security** in the Indo-Pacific region and beyond (**В эпоху обостряющейся конкуренции великих держав**, в которую в первую очередь вовлечены Соединенные Штаты и Китай, **эти события ставят под сомнение будущее мира, стабильности и безопасности** в Индо-Тихоокеанском регионе и за его пределами) (GIS: China's nuclear weapons buildup, 2023).

6. China's nuclear policy adheres to the «no first use» principle, as the

2015 White Paper on «China's Military Strategy» categorically states that China's **«national defence policy is defensive in nature, opposes hegemonism and power politics in all forms, and will never seek hegemony or expansion»**. However, **is growing nuclear capabilities both in size and scope suggest otherwise** (Ядерная политика Китая придерживается принципа «неприменения первым», поскольку в Белой книге 2015 года «Военная стратегия Китая» категорически утверждается, что **«национальная оборонная политика Китая носит оборонительный характер, выступает против гегемонизма и силовой политики во всех формах и никогда не будет стремиться к гегемонии или экспансии»**. Однако растущий ядерный потенциал как по размерам, так и по масштабам применения свидетельствует об обратном) (The Lowly Institute: By the numbers: China's nuclear inventory continues to grow, 2024).

В ходе реализации данной стратегии авторы допускают возможность конфликта из-за наращивания ядерного потенциала главного противника США, а также предлагает пути решения этого вопроса в виде политики «прозрачности», которая открывает возможность отслеживать изменения в данной области напрямую без использования военной разведки. Последний пример также демонстрирует связь манипулятивной стратегии с аргументативной, так как согласно собственным выводам, основанным на анализе нормативных документов КНР, автор выдвигает гипотезу о возможном применении силы со стороны Китая.

Стратегия самозащиты, которая представляет собой речевую «оборону» коммуниканта, целью которой является сохранить за собой правоту в глазах читателя. Она проявляется в виде тактики оправдания и оспаривания критики, которая реализуется посредством применения ссылок на текущие решения КНР в области ядерной политики, а также выражения собственного мнения касательно этого вопроса:

1. The Pentagon's annual report on China began in 2000, and despite current hot wars in both Ukraine and now the Middle East, **the Pentagon assessment is closely watched as national security concerns on China continue**

to drive U.S. defense budgets and training priorities (Ежегодный доклад Пентагона о Китае был опубликован в 2000 году, и, несмотря на текущие горячие войны как на Украине, так и на Ближнем Востоке, за **оценкой Пентагона внимательно следят, поскольку проблемы национальной безопасности в Китае продолжают определять оборонные бюджеты США и приоритеты в области подготовки кадров**) (NPR: New Pentagon report claims China now has over 500 operational nuclear warheads, 2023).

2. The Department of State should better use its resources and insights to help the U.S. government understand **how adversaries think and what they value**, with a particular emphasis on managing the **deterrence relationships** with them (Государственному департаменту следует лучше использовать свои ресурсы и знания, чтобы помочь правительству США понять, **как мыслят противники и каковы их ценности**, уделяя особое внимание управлению отношениями с ними **в области сдерживания**) (CSIS: China's Waterlogged Missiles Don't Matter, 2024).

3. **The glide vehicle poses a significant threat** due to its high speed – at least five times the speed of sound – and maneuverability. The FOBS could be armed with a conventional or nuclear warhead, possibly more than one (**Планирующий аппарат представляет значительную угрозу из-за своей высокой скорости – по меньшей мере, в пять раз превышающей скорость звука - и маневренности. Ракеты могут быть оснащены обычной или ядерной боеголовкой, возможно, более чем одной**) (GIS: China's nuclear weapons buildup, 2023).

В рамках данной стратегии автор обозначает потенциальную угрозу со стороны Китая с целью оправдать решения США в области ядерного вооружения, которые являются причиной активной модернизации ядерного оружия КНР.

Стратегии нападения, агитации, а также информационно-интерпретационная стратегия представлены не так часто, что объясняется основным геополитическим курсом США по отношению к Китаю –

предотвратить улучшение в области ядерного оружия, которое, по большей части, происходит в ответ на уже достигнутые результаты Америки. Также употребление агитационной стратегии является не столь частым, поскольку США не ставит задачу сплотить население вокруг возникшего конфликта сторон, а, наоборот, стремиться показать самостоятельность решений политической элиты данной области, что также объясняет использование вышеупомянутых стратегий и тактик.

2.1.2. Реализация политики ядерного вооружения КНР в китайских СМИ

В силу настороженности ядерной экспансией со стороны США, а также политикой ядерного нераспространения, в ходе которой КНР отказывается применять ядерное оружие первой, китайские СМИ также используют стратегию эмоционального воздействия с целью убедить читателя в агрессии со стороны США.

В статье 美加快推进核力量全面现代化 其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗 (Ядерное вооружение США стремительно модернизируется, обнажая лицемерный обманчивый характер их ядерной политики) преобладает данная стратегия и тактика акцентирования, которая реализуется посредством оценочных суждений, выражающих реакцию Китая на изменения в политике ядерного вооружения США, что можно заметить не только в названии статьи, но и в следующих примерах:

1) 这表明, 美国政府不仅没有减少在核武器领域的**过度**开支, 反而在加快推进核力量全面现代化步伐, 在**«以核谋霸»**的道路上越走越远 (Это свидетельствует о том, что правительство США не только не сократило **чрезмерные** расходы на ядерное оружие, но и ускоряет темпы всесторонней модернизации своих ядерных сил и все дальше продвигается по пути **«ядерной гегемонии»**) (新华网: 美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质

暴露无遗，2022).

2) **暗箱操作**，推进核力量升级换代 (**Махинации** содействуют ядерной модернизации) (新华网：美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗，2022).

3) 然而，这种**虚伪的表态**根本欺骗不了世人 (Однако, таким **лицемерным заявлениям** вовсе не верят) (新华网：美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗，2022).

4) **双重标准**，破坏核不扩散机制 (**Двойные стандарты**, подрывающие режим ядерного нераспространения) (新华网：美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗，2022).

Также применение данной стратегии, тактики, а также градации и прилагательных, стоящих в превосходной степени, наблюдается в работе **奥本海默的恐惧成真** («Опасения Опенгеймера оправдались»):

5) 随着美中竞争和乌战的发生，不仅东北亚、欧洲，世界各地都在开展军备竞争 (С возникновением конкуренции между США и Китаем, а также СВО не только **Северо-Восточная Азия, Европа, но и весь мир стали вовлечены в гонку вооружения**) (朝鲜日报：奥本海默的恐惧成真，2023).

6) 中国也在国家主席习近平执政（2013年）以后，核武器数量出现了**明显增加** (Китай также стал свидетелем **значительного увеличения** количества ядерного оружия после прихода к власти президента Си Цзиньпина в 2013 г.) (朝鲜日报：奥本海默的恐惧成真，2023).

7) 分析认为，2013年前后，中国自行判断经济规模可以与美国平起平坐，于是在军事方面提出了奠定**«世界两强»地位**的目标，而核扩散正是反映这一目的的结果 (Анализ показывает, что примерно в 2013 году Китай самостоятельно пришел к выводу, что его экономические масштабы могут быть наравне с Соединенными Штатами, поэтому он выдвинул цель установления статуса «двух сильнейших стран мира» в военном плане, и

распространение ядерного оружия является результатом данной цели) (朝鲜日报: 奥本海默的恐惧成真, 2023).

Кроме того, данная стратегия реализуется посредством лексического повтора в статье 中国的防扩散政策和措施 («Политика и меры Китая в области нераспространения»), а также в статье 中国政府关于全面禁止和彻底销毁核武器的声明 «Заявление китайского правительства о полном запрещении и полном уничтожении ядерного оружия»:

1. 中国不支持、不鼓励、不帮助任何国家发展大规模杀伤性武器 (Китай не поддерживает, не поощряет и не помогает какой-либо стране в разработке оружия массового уничтожения) (中华人民共和国外交部: 中国的防扩散政策和措施, 2020).

2. 中国政府主张全面、彻底、干净、坚决地禁止和销毁核武器、倡议召开世界各国政府首脑会议的声明 (Китайское правительство выступает за **всеобъемлющее, полное, безоговорочное и решительное запрещение и уничтожение ядерного оружия** и выступает за созыв встречи глав правительств всех стран мира) (中华人民共和国外交部: 中国的防扩散政策和措施, 2020).

3. 具体地说, 就是: 不使用核武器, 不输出核武器, 不输入核武器, 不制造核武器, 不试验核武器, 不储存核武器, 把世界上现有的一切核武器及其运载工具统统销毁, 把世界上现有的一切研究、试验、生产核武器的机构统统解散 (В частности, это означает: не применять ядерное оружие, не экспортировать ядерное оружие, не импортировать ядерное оружие, не производить ядерное оружие, не испытывать ядерное оружие, не хранить ядерное оружие, уничтожить все существующее ядерное оружие и средства его доставки в мире и прекратить все существующие исследования, испытания и производство ядерного оружия в мире) (中华人民共和国外交部: 中国的防扩散政策和措施, 2020).

4. 中国政府郑重宣布, 中国在任何时候、任何情况下, 都不会首先

使用核武器 (Китайское правительство торжественно заявляет, что Китай **никогда и ни при каких обстоятельствах не применит ядерное оружие первым**) (中华人民共和国外交部: 中国的防扩散政策和措施, 2020).

5. 即拥有核武器的国家和很快可能拥有核武器的国家承担义务, 保证**不使用核武器, 不对无核武器国家使用核武器, 不对无核武器区使用核武器, 彼此也不使用核武器** (Страны, обладающие ядерным оружием, и страны, которые вскоре могут обладать ядерным оружием, должны взять на себя обязательства по обеспечению того, чтобы они **не применяли** ядерное оружие, что они **не будут применять** ядерное оружие против государств, не обладающих ядерным оружием, что они **не будут применять** ядерное оружие в зонах, свободных от ядерного оружия, и что они не будут применять ядерное оружие друг против друга) (中华人民共和国外交部: 中国的防扩散政策和措施, 2020).

Применение данных стратегий и тактик объясняется целью правительства Китая прекратить распространение ядерного оружия западными странами, а также показать серьезность данного вопроса, в ходе которого КНР также вынуждена наращивать обороты в «ядерной гонке».

Стратегия дискредитации в китайских СМИ выражается в осознанном обличении истинных планов Запада и реализуется посредством применения тактики разьяснения, актуализированной в форме эпитетов и метафор:

1. **美核政策虚伪欺骗本质暴露无遗** (Раскрыт **лицемерный и обманчивый характер** ядерной политики США) (新华网: 美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗, 2022).

2. **偷换概念, 谋求全方位核威慑** (Подменяют понятия с целью всестороннего **ядерного устрашения**) (新华网: 美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗, 2022).

3. 梳理美国有关政客在本届政府上台前后的一系列言行, 不难发现其在核政策方面欺骗国际社会、欺骗世界人民、欺骗美国选民的虚伪本质

(Проанализировав несколько речей и поступки соответствующих американских политиков до и после вступления в должность нынешней администрации, нетрудно обнаружить их **лицемерие и обман международного сообщества, народов мира и американских избирателей в отношении ядерной политики**) (新华网：美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗， 2022).

4. 美国政府以«降低核武器作用»为宣传口号，**更多是出于抢占核军控道义制高点、打压对手的现实需要** (Лозунг правительства США о «снижении роли ядерного оружия» – это скорее практическая необходимость **получения морального права контролировать ядерное оружие и подавить своих оппонентов**) (新华网：美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗， 2022).

5. 无论美国核政策表述如何变化，其保持核力量足够强大且持续更新和现代化的原则始终未变，国际社会应清醒认识美国核政策的**虚伪欺骗本质** (Независимо от изменений в формулировке ядерной политики США, принцип сохранения достаточно мощных ядерных сил, их постоянного обновления и модернизации остается неизменным, и международное сообщество должно четко видеть **лицемерный и обманчивый** характер ядерной политики США) (新华网：美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗， 2022).

6. 美国政府须切实承担起自身核裁军特殊优先责任，进一步大幅、实质性削减核武库，**不要再用花言巧语蒙骗全世界人民** (Правительство Соединенных Штатов обязательно должно взять на себя особую ответственность за ядерное разоружение, продолжить интенсивное материальное сокращение своего ядерного арсенала и **перестать использовать риторику обмана (дословно: яркие фразы и изысканные слова) во всем мире**) (新华网：美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗， 2022).

7. 其实，美英澳核潜艇合作只是美核政策**虚伪**性的一个缩影。梳理美国有关政客在本届政府上台前后的一系列言行，不难发现其在**核政策**方面**欺骗**国际社会、欺骗世界人民、欺骗美国选民的虚伪本质 (На самом деле сотрудничество между Соединенными Штатами, Великобританией и Австралией в области атомных подводных лодок – это всего лишь пример **лицемерия** ядерной политики Соединенных Штатов в миниатюре. Анализируя ряд слов и поступков соответствующих политиков США до и после прихода к власти нынешней администрации, нетрудно обнаружить **лицемерную** природу их ядерной политики, направленной на **обман** международного сообщества, народов мира и американских избирателей) (新华网：美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗，2022).

Использование данной стратегии охарактеризовано лексическим повтором слов **欺骗** / «обман», а также **虚伪** / «лицемерный». Данные лексические единицы являются словами-ярлыками, используемыми для выражения критики оппонента.

В статье **中国拥有核武器旨在慑止核战争** «Китай обладает ядерным оружием для предотвращения ядерной войны» также обнаруживается стратегия дискредитации, которая применяется для критики оппонентов Китая:

1. 个别国家**执迷**大国竞争，谋求绝对战略优势，强化军事同盟，**挑**动阵营对抗，推进核导等战略力量前沿部署，严重破坏大国互信，损害战略平衡与稳定，阻碍国际核裁军努力，推升核军备竞赛与核冲突风险 (Отдельные страны **одержимы** соперничеством великих держав, стремясь к абсолютным стратегическим преимуществам, укрепляя военные союзы, **провоцируя конфронтацию** между лагерями и **способствуя передовому развертыванию стратегических сил**, таких как ядерное оружие, что серьезно подрывает **взаимное доверие** великих держав и стратегический баланс и стабильности, **препятствуя международным усилиям по ядерному разоружению и повышая риск гонки ядерных вооружений и ядерных**

конфликтов) (中华人民共和国外交部：中国拥有核武器旨在慑止核战争，2023).

2. 坚决反对有关国家基于狭隘地缘政治考量，开展违背NPT目的和宗旨的核领域合作 (Решительно выступаем против сотрудничества соответствующих стран в ядерной области, **которое нарушает цели договора о нераспространении ядерного оружия, исходя из узких геополитических соображений**) (中华人民共和国外交部：中国拥有核武器旨在慑止核战争，2023).

3. 特朗普执政后持续深化的美国第一主义导致现有格局 (**regime**) 被打破，不稳定性的增加导致了站在美国对立面的国家进行军备扩张 (Развитие доктрины “Америка прежде всего” после вступления Трампа в должность привело к **краху существующего режима. Рост нестабильности** привел к расширению вооружений странами, находящимися по другую сторону границы с Соединенными Штатами) (中华人民共和国外交部：中国拥有核武器旨在慑止核战争，2023).

Данные примеры иллюстрируют преимущества политики ядерного вооружения Китая над другими государствами. Это достигается применением гиперболы и эпитетов для контраста в описании действий конкурентов.

Стратегия самопрезентации может выражаться через использование градации и повтора, что иллюстрируют примеры из этой же статьи:

1. 中国的核战略与核政策在所有核武器国家中独树一帜，**最具稳定性、连续性和可预见性** (Ядерная стратегия и ядерная политика Китая являются одними из **самых стабильных, последовательных и предсказуемых среди всех государств**, обладающих ядерным оружием) (中华人民共和国外交部：中国拥有核武器旨在慑止核战争，2023).

2. 中国不提供核保护伞，不在境外部署核武器 (Китай не обеспечивает ядерную защиту, не предоставляет ядерное оружие за пределы границ) (中华人民共和国外交部：中国拥有核武器旨在慑止核战争，2023).

Авторы иллюстрируют превосходство решений правительства Китая, противопоставляя им решения стран-конкурентов. Также стратегия самопрезентации может выражаться через тактику иллюстрирования и тактику акцентирования внимания на положительной информации с помощью использования сравнения, эпитетов и побудительного наклонения глаголов, которые были использованы в материале 中国核武政策人性化, 最大限度地限制使用, 如果都像中国这样 (Политика Китая в отношении ядерного оружия гуманна и максимально ограничивает его применение, если это его устраивает):

1. **如果都像中国这样, 世界会更加和平, 更不会出现核战争 (Если бы все были такими, как Китай, мир был бы гораздо более мирным местом, и уж тем более не было бы ядерной войны)** (中华人民共和国常驻维也纳联合国和其他国际组织代表团: 中国核武政策人性化, 最大限度地限制使用, 如果都像中国这样, 2023).

2. **如果世界上的核大国都像中国这样, 谨慎, 最大限度地限制本国核武器的使用, 核战争根本就打不起来, 也不可能有世界性的核大战 (Если бы все ядерные державы мира были так же осторожны и максимально ограничили применение своего ядерного оружия, как Китай, возникновение ядерной войны было бы невозможным)** (中华人民共和国常驻维也纳联合国和其他国际组织代表团: 中国核武政策人性化, 最大限度地限制使用, 如果都像中国这样, 2023).

3. **中国的核政策本着中国传统文化, 仁义的精神, 做到了最大的克制 (Ядерная политика Китая основана на традиционной китайской культуре и духе доброжелательности и праведности и отличается наибольшей сдержанностью)** (中华人民共和国常驻维也纳联合国和其他国际组织代表团: 中国核武政策人性化, 最大限度地限制使用, 如果都像中国这样, 2023).

4. **为中国的核政策点赞 (Слава ядерной политике Китая)** (中华人民共和国常驻维也纳联合国和其他国际组织代表团: 中国核武政策人性化, 最

大限度地限制使用，如果都像中国这样，2023).

Тактика иллюстрирования также может использоваться в комбинации с тактикой информирования, что выражается в количественном описании ядерного запаса КНР и применении эпитетов и градации в статье 美国防部报告估计 中国已拥逾500核弹头 (Согласно отчету Министерства обороны США, Китай располагает более чем 500 ядерными боеголовками):

1. 根据美国五角大楼的最新评估，中国继续大力实现核武库的现代化、多样化和扩大化，目前可投入使用的核弹头有**500多枚**，到了2030年可能超过**1000枚** (Согласно последней оценке Пентагона США, Китай продолжает энергично модернизировать, диверсифицировать и расширять свой ядерный арсенал. В настоящее время в мире насчитывается более 500 ядерных боеголовок, которые могут быть использованы, а к 2030 году их количество может превысить 1000) (联合早报: 美国防部报告估计中国已拥逾500核弹头，2023).

2. 去年或已建成三个导弹发射场 含逾**300**洲际导弹发射井 (В прошлом году, возможно, были построены **три ракетные пусковые установки**, в том числе более **300 шахт для межконтинентальных ракет**) (联合早报: 美国防部报告估计中国已拥逾500核弹头，2023).

Эти тактики также встречаются в работе 奥本海默的恐惧成真 «Опасения Оппенгеймера оправдались»:

3. **2013年**，中国核弹头数量为**250枚**，**2017年**增至**270枚**，今年增至**410枚**。也就是说，仅习近平执政后就增加了**160枚**。也就是说，从**1971年**的**100枚**到**2013年**的**250枚**，耗时**40年**，如今相同规模的核扩散仅需**10年**的时间 (В **2013** году количество ядерных боеголовок в Китае составляло **250**, в **2017** году увеличилось до **270**, а в этом году – до **410**. Другими словами, после прихода к власти Си Цзиньпина было добавлено **160 единиц вооружения**. Другими словами, с **100** в **1971** году до **250** в **2013** году потребовалось **40 лет**, а сейчас увеличение количество ядерного оружия в таких же масштабах

занимает **всего 10 лет**) (Корейская газета: Оппортунизм страха становится реальностью, 2023).

4. **Китай** как будто копирует производство авианосцев и ядерных боеголовок, чтобы показать, что **он может конкурировать** с Соединенными Штатами (в военном отношении) (Корейская газета: Оппортунизм страха становится реальностью, 2023).

Стратегия самозащиты также является часто используемой в Китайских СМИ. Она применяется для оправдания принятых китайскими политиками мер по созданию и реализации ядерного вооружения, а также указания неправильных, по их мнению, решений США. Ее реализация происходит за счет тактик разъяснения и комментирования, что демонстрируется в статье **Китайская сеть новостей** «Американские заявления»: шум Китая «ядерная угроза»? Ядерная политика Соединенных Штатов и Японии действительно угрожает миру):

1. **Фактически**, США自身在核政策、涉核问题上的消极动向, **才真正威胁世界, 值得国际社会高度警惕** (На самом деле, негативные тенденции в ядерной политике Соединенных Штатов и Японии и связанных с ними вопросах действительно угрожают миру и заслуживают повышенного внимания международного сообщества) (Китайская сеть новостей: Китайская сеть новостей «Американские заявления»: шум Китая «ядерная угроза»? Американская ядерная политика действительно угрожает миру, 2022).

2. **Фактически**, США自身在核政策、涉核问题上的消极动向, **才真正威胁世界, 值得国际社会高度警惕** (На самом деле, негативные тенденции в ядерной политике Соединенных Штатов и Японии и связанных с ними вопросах действительно угрожают миру и заслуживают повышенного внимания международного сообщества) (Китайская сеть новостей: Китайская сеть новостей «Американские заявления»: шум Китая «ядерная угроза»? Американская ядерная политика действительно угрожает миру, 2022).

Использование повтора «на самом деле» доказывает намерение китайских авторов показать истинные намерения конкурентов, старающихся

изобразить модернизацию ядерных сил КНР, как попытку агрессии, когда, в действительности, она является ответной реакцией на их ранее принятые меры. Помимо этого, в данной статье широко применяются метафоры:

1. 与美日相反, 中国向来是世界和平的建设者、全球发展的贡献者、国际秩序的维护者 (В отличие от Соединенных Штатов и Японии, Китай всегда был строителем мира во всем мире, вкладчиком в глобальное развитие и защитником международного порядка) (中国网新闻中心: 中国网三评«美日声明»: 鼓噪中国«核威胁»? 美日的核政策才真正威胁世界, 2022).

Также стратегия самозащиты сочетается со стратегией нападения, так как китайские авторы не только оправдывают деятельность внутренней политики, но и открыто демонстрируют несостоятельность их оппонента создать мир за счет расширения количества ядерных боеприпасов.

Манипулятивная стратегия проявляется в использовании точных дат, эпитетов и слов: 其实 / «на самом деле», 本质上 / «фактически», 从实际行动看 / «в действительности», 事实上 / «в действительности», которые повышают уровень убедительности в глазах читателя:

1. «根本作用»与«唯一目的»看似接近, 但实则是偷换概念。这也反映出, 美国本质上并不愿放弃首先使用核武器政策, 不愿放弃全方位核威慑手段 Термины «**фундаментальная роль**» и «**единственная цель**» могут показаться родственными, но **на самом деле** это подмена понятий. **Этотакже отражает тот факт**, что Соединенные Штаты в действительности не желают отказываться от политики применения ядерного оружия первыми и отсречств всестороннего ядерного сдерживания) (新华网: 美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗, 2022).

2. 美国 2023 财年国防预算申请中, 核力量经费达 **509** 亿美元, 较特朗普政府时期核力量预算峰值的 **445** 亿美元增长近 **15%** (Запрос оборонного бюджета США на 2023 финансовый год включает **\$50,9** млрд на ядерные

силы, что почти на **15% больше**, чем пиковый бюджет ядерных сил в **\$44,5 млрд** при администрации Трампа) (新华网: 美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗, 2022).

3. 然而, 从实际行动看, 美正继续推进包括新一代«哨兵»洲际弹道导弹、哥伦比亚级战略核潜艇、B-21 战略轰炸机在内的«三位一体»核力量升级换代计划 (Однако, в действительности США продолжают модернизацию ядерных сил, включая новое поколение межконтинентальных баллистических ракет «Sentinel», стратегические атомные подводные лодки класса «Columbia» и стратегические бомбардировщики B-21) (新华网: 美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗, 2022).

4. **事实上**, 美国政府不但未采取积极举措履行自身核裁军特殊优先责任, 反而以俄罗斯增加对美威胁为由, 加大核军备步伐, 并继续推动外空武器化和导弹防御系统部署, 破坏全球战略稳定 (**Фактически**, вместо того, чтобы предпринять шаги по выполнению своей собственной особой приоритетной ответственности за ядерное разоружение, правительство США увеличило темпы ядерного вооружения на том основании, что Россия усиливает свою угрозу Соединенным Штатам и продолжает развивать космическое оружие и развертывать системы противоракетной обороны, подрывая глобальную стратегическую стабильность) (新华网: 美加快推进核力量全面现代化其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗, 2022).

Аргументативные стратегия также представлены в виде статистических данных с использованием тактики обоснованных оценок в виде процентных данных:

1. 美国 2023 财年国防预算申请中, 核力量经费达 **509 亿美元**, 较特朗普政府时期核力量预算峰值的 **445 亿美元**增长近 **15%** (Запрос оборонного бюджета США на 2023 финансовый год включает **50,9 млрд долларов** на ядерные силы, что почти **на 15% больше**, чем пиковый бюджет на ядерные силы в **44,5 млрд долларов** при администрации Трампа) (新华网: 核双标再

次暴露美国虚伪本质，2022).

2. 为支持核力量发展，拜登政府在2024财年国防预算申请中，更是将核力量相关建设预算抬升至377亿美元，同比增长高达9.6% (Чтобы поддержать развитие ядерной энергетики, администрация Байдена увеличила бюджет на строительство объектов, связанных с ядерной энергетикой, до 337,7 млрд долларов США в заявке на оборонный бюджет на 2024 финансовый год, что на 9,6% больше, чем в прошлом году) (中国军网：美新财年国防预算持续走高，2024).

8) 此外，还对较晚开始核开发的«核新兴国家»产生了核武器增加的影响。朝鲜（增长率100%）、印度（26%）、巴基斯坦（21%）、以色列（13%）等都是2017年以后核弹头数量大幅增加的国家。据美国科学家联盟称，朝鲜的核弹头数量从2017年的15枚增至今年的30枚 (Кроме того, это также оказало влияние на увеличение количества ядерных вооружений в «странах с формирующейся ядерной экономикой», которые приступили к ядерным разработкам позже. Северная Корея (темп роста составил 100%), Индия (26%), Пакистан (21%), Израиль (13%) и т.д. - все это страны со значительным увеличением количества ядерных боеголовок после 2017 года. По данным Союза американских ученых, количество ядерных боеголовок в Северной Корее увеличилось с 15 в 2017 году до 30 в этом году) (朝鲜日报：奥本海默的恐惧成真，2023).

Целью агитационной стратегии является воздействие на поступки слушателей, чтобы побудить их к совершению определенного действия. Она реализуется в сочетании с тактикой учета ценностных ориентиров [Паршина, 2005: 6]:

1. 核武器国家应遵循«维护全球战略稳定»和«各国安全不受减损»原则，依据公正合理、逐步削减、向下平衡原则，循序渐进推进核裁军 (Государства, обладающие ядерным оружием, **должны** следовать принципам «поддержания глобальной стратегической стабильности» и «ненанесения

ущерба безопасности всех стран» и постепенно продвигать ядерное разоружение в соответствии с принципами справедливости и рациональности, постепенного сокращения и нисходящего баланса) (中华人民共和国外交部: 中国拥有核武器旨在慑止核战争, 2023).

2. 在当前国际安全形势面临严峻复杂挑战的背景下, 中方旗帜鲜明地主张, 核武器用不得、核战争打不得, 国际社会应共同反对使用或威胁使用核武器 (В контексте нынешней ситуации в области международной безопасности, сталкивающейся с серьезными и сложными вызовами, Китай четко выступает за то, что ядерное оружие не может быть применено или ядерная война невозможна, и международное сообщество **должно** сообща противостоять применению или угрозе применения ядерного оружия) (中华人民共和国外交部: 中国拥有核武器旨在慑止核战争, 2023).

3. 长期以来, 五核国机制是NPT审议进程具有特殊积极作用的组成部分, 应该为条约审议进程继续做出特殊贡献 (В течение длительного времени механизм пяти ядерных государств был неотъемлемой частью процесса рассмотрения действия ДНЯО, играя особую и активную роль, и **должен продолжать вносить особый вклад в процесс рассмотрения действия договора**) (中华人民共和国外交部: 中国拥有核武器旨在慑止核战争, 2023).

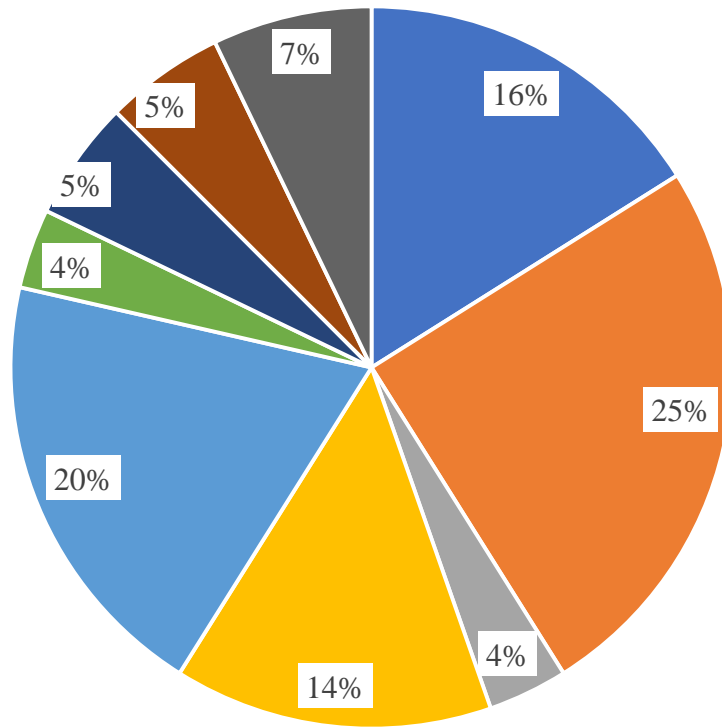
Повторение лексической единицы *该/ «должен»* иллюстрирует призыв Китая к другим государствам изменить курс ведения ядерной политики и начать соответствовать нормам договора о нераспространении ядерного оружия.

Иные тактики и стратегии встречаются в Китайских СМИ более редко, что объясняется текущей целью правительства – объяснить читателю правильность расширения собственного ядерного арсенала из-за экспансии стран-оппонентов. Это устанавливает основной выбор вышеперечисленных приемов воздействия на объект коммуникации.

2.2. Статистический анализ коммуникативных стратегий и тактик, применяемых в англоязычных и китайских СМИ

На втором этапе мы сравнили результаты двух видов СМИ на предмет наличия конкретных стратегий и тактик в определенном количестве. Нами были рассмотрены статьи на английском и китайском языках из таких новостных ресурсов, как: 人民日报, 新华网, 中国军事百科全书编审室, 百度文库, HAL open science, International committee of Red Cross, The New York Times, NBC NEWS, Reuters и The Guardian. Результаты исследования представлены в виде статистической диаграммы.

Нами было обнаружено, что наиболее применяемыми стратегиями у английских источников являются: стратегия дискредитации, аргументативная стратегия и стратегия самопрезентации. Они составляют 25%, 20% и 16% соответственно (см. Рис. 1).

- С. Самопрезентации
- С. Самозащиты
- С. Аргументативная
- Информационно-интерпритационная с.
- С. Нападения
- С. Дискредитации
- С. Манипуляции
- С. Агитации
- С. Эмоционального настроения адресата

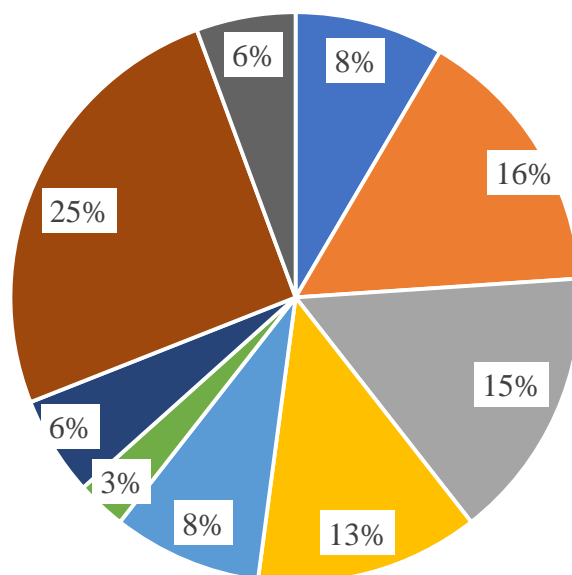
Рисунок 1. Статистика коммуникативных стратегий в англоязычных СМИ

Основными тактиками у английских СМИ являются: тактика признания существования проблемы, тактика комментирования и тактика рассмотрения информации под новым углом. Их процентное соотношение составляет 17%, 15% и 13%, соответственно (см. Рис. 2).

Рисунок 2. Статистика коммуникативных тактик в англоязычных СМИ

Проанализировав китайские СМИ, мы обнаружили, что ведущими коммуникативными стратегиями китайских СМИ являются: стратегия эмоционального воздействия, дискредитации и самозащиты. Они составляют 25%, 16% и 15% соответственно (см. Рис. 3).

- С. Самопрезентации
- С. Дискредитации
- С. Самозащиты
- С. Манипуляции
- С. Аргументативная
- С. Агитации
- Информационно-интерпритационная с.
- С. Эмоционального настроения адресата
- С. Нападения

Рисунок 3. Статистика коммуникативных стратегий в китайских СМИ

В то время как основными коммуникативными тактиками СМИ Китая являются: тактика разъяснения, тактика обращения к эмоциям адресата, тактика единения и тактика учета ценностных ориентиров. Они составляют 21%, 15%, 11% и 11% соответственно (см. Рис. 4).

Рисунок 4. Статистика коммуникативных тактик китайских СМИ

Таким образом, основными стратегиями англоязычных СМИ являются: стратегия дискредитации, самопрезентации и аргументативная стратегия. В то

время, как в китайских источниках преобладают стратегии эмоционального воздействия, дискредитации и самозащиты.

В свою очередь основными коммуникативными тактиками англоязычных СМИ являются: тактика признания существования проблемы, тактика комментирования и тактика рассмотрения информации под новым углом. Когда в китайских СМИ преобладают: тактика разъяснения, тактика обращения к эмоциям адресата, тактика единения и тактика учета ценностных ориентиров.

Стоит отметить, что использование конкретной стратегии и тактики не ограничено одним предложением. Единица текста может сочетать в себе несколько стратегий для большей эффективности информационного воздействия на адресата.

Мы считаем, что выбор основных стратегий и тактик западной стороной обуславливается напряжением геополитической обстановки и манифестирует введение англо-саксонской стороной полномасштабных мер по сдерживанию ядерного потенциала КНР и противодействию возможной «угрозе».

Использование данных тактик стратегий со стороны Китая можно объяснить тенденцией сплочения населения, укрепления доверия к решениям правительства, в ходе которых также происходит дискредитация политических оппонентов. Мы полагаем, что тексты, связанные с тематикой ядерной политики, не ограничиваются использованием только этих стратегий и тактик, а также могут иметь иные способы описания тенденций в будущем.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В данной главе на примере публицистических статей были рассмотрены основные коммуникативные стратегии и тактики, реализующие воздействующую функцию. В ходе детального анализа было выявлено, что их основная цель заключается в том, чтобы воздействовать на массового адресата и убедить его в правильном направлении развития государственной политики ядерного вооружения КНР, а также доказать ошибочность политики стран-оппонентов.

Воздействующая функция осуществляется путем применения определенного ряда стратегий и тактик, которые могут отличаться в зависимости от целей автора и актуальной политики внутри страны.

Результаты количественного исследования показали, что такие коммуникативные стратегии, как дискредитационная и стратегия воздействия на адресата используются наиболее часто в указанных публицистических материалах на английском и китайском языках соответственно. Они придают написанному ясность и убедительность. Наиболее частыми тактиками являются: тактика признания существования проблемы для англоязычных СМИ и тактика разъяснения для китайских. Они применяются для обозначения текущей угрозы со стороны оппонентов КНР.

Использование коммуникационных стратегий и тактик делает текст более насыщенным и запоминающимся для публики, а также помогает установить доверительные отношения между адресантом и народом.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что применение языковых средств наряду с коммуникативными стратегиями и тактиками способствуют созданию яркого и притягивающего внимание образа с целью пропаганды актуальной политики ядерного вооружения КНР.

Вышеперечисленные примеры коммуникативных стратегий и тактик обладают мощной силой воздействия и помогают адресанту оказать

достаточное влияние на массового адресата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время массмедийный дискурс является одним из ключевых объектов лингвистики и межкультурной коммуникации, поскольку представляет собой коммуникативную практику массово-информационного общения. В связи с этим рассмотрение понятия «политики ядерного вооружения» в рамках данного направления представляет особый интерес в научном сообществе.

Центральными понятиями данной работы выступили: «текст», «дискурс», «массмедийный дискурс». В исследовании нами было отмечено, что дискурс в отличие от текста обладает не только информативными и коммуникативными свойствами, но дополнительными прагматическими свойствами, возникающими под влиянием социально-психологических факторов. В ходе работы было дано определение политике ядерного вооружения как комплексного явления, включающее в себя наступательные и превентивные меры по применению ядерного вооружения в стране.

В рамках работы нами были отмечены ключевые параметры военно-политического дискурса: оценочность и агрессивность, смысловая неопределенность и фантомность. Данные аспекты позволили рассмотреть ключевые стратегии и тактики политики ядерного вооружения, реализуемые в английском и китайском языках (стратегия самопрезентации; стратегия дискредитации, стратегия нападения, стратегия самозащиты, стратегия формирования эмоционального настроения адресата, информационно-интерпретационная стратегия, аргументативная стратегия, агитационная стратегия, манипулятивная стратегия), а также основные коммуникативные тактики (тактика признания существования проблемы, тактика акцентирования положительной информации, тактика разъяснения, тактика комментирования, тактика рассмотрения информации, тактика указания на путь решения проблемы, тактика единения, тактика обращения к эмоциям адресата, тактика учета ценностных ориентиров, тактика контрастивного

(сопоставительного анализа), тактика иллюстрирования, тактика указания на перспективу, тактика обоснованных оценок).

Анализ текстов статей китайских и англоязычных новостных порталов позволил прийти к выводам о том, что в англоязычных и китайских СМИ наиболее часто используется такая комбинация средств, как: дискредитационная стратегия и стратегия воздействия на адресата, выраженная посредством метафор и эпитетов, а также тактика признания существования проблемы и тактика разъяснения соответственно. Их использование направлено на то, чтобы сделать сообщение ярким, лаконичным и способным воздействовать на сознание массового адресата. Совокупность коммуникативных стратегий несет в себе идею веры в правильное направление создания, ведения и развития актуальной политики ядерного вооружения в противовес странам, представляющим угрозу национальной и всемирной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авидзба А.В. Медиадискурс как составляющая информационного пространства // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. Вып. 1. С. 35–40.
2. Анохина В.С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. Вып. 56. С. 64–71.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
4. Басова Н.А. Коммуникативный потенциал рекламного плаката // Знак: проблемное поле медиаобразования, 2009. С. 31–32.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 448 с.
6. Вандышева А.А. Социальная реклама как технология социальной работы // Студент и наука (гуманитарный цикл). Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2017. С. 735–736.
7. Виноградова С.А. Политический медиадискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом // Мир науки, культуры, образования. 2010. Вып. 4. С. 45–47.
8. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка / В.И. Горелов. М.: Просвещение, 1989. 318 с.
9. Греймас А., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 483–550.
10. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Издательство Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
11. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Международная научная конференция «Язык,

культура, общество». Москва, 27–30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады. М.: Московский институт иностранных языков; Российская академия лингвистических наук; Институт языкознания РАН; Научный журнал «Вопросы филологии», 2007. С. 86–95.

12. Дутов Н.В. Коммуникативные стратегии и тактики в аспекте культурологического параметра «дистанция власти» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. С. 513–525.

13. Дегтярев А.А. Теория принятия политических решений в структуре социальных и управленческих дисциплин // Полис. 2002 № 2. С. 2–4.

14. Евсюкова Т.В., Гермашева Т.М. Основные подходы к определению понятий «Блог» и «Блогосфера» в лингвистике // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11 (2). С. 234–239.

15. Ейгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: Материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1974. С. 103–109.

16. Елина Е.А. Семиотика рекламы. М.: ИТК «Дашков и К», 2008. 121 с.

17. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 191 с.

18. Захаров В.М. Региональные угрозы России и ядерный фактор // Научные записки ПИР-Центра. 2000. Вып. 14. 32–40 с.

19. Звегинцев В.А. О цельнооформленности единиц текста // Известия АН СССР. Сер: Литература и язык. 1980. Т. 39. № 1. С. 13–21.

20. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2–е изд., испр. Харьков: Издательство «Гуманитарный Центр», 2008. 353 с.

21. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики // ЛЕНАНД. 2017. Вып. 1. 308 с.

22. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
23. Карамова А.А. Текст и дискурс: соотношение понятий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Лингвистика. 2013.Т. 10. С. 10–23.
24. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
25. Карасик В.И. Языковые ключи М.: Гнозис, 2009. 406 с.
26. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. научн. трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
27. Касимова О.П. Роль информационных технологий в формировании методик лингвистического исследования // Новые информационные технологии в образовании. Ч. 1. Екатеринбург: ФГАОУ ВПО, 2017. С. 780–786.
28. Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса. М.: Восточная книга, 2010. 152 с.
29. Кашкин В.Б. Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч. 2. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 49–62.
30. Кибрик А.А. Мультиmodalная лингвистика // Когнитивные исследования: сб. науч. трудов: Вып. 4 / под ред. Ю.И. Александрова, В.Д. Соловьева. М.: Издательство психологии РАН, 2010. С. 134–152.
31. Киселева С.А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе (структурно-семантический и прагматический аспекты). М.: Истина, 2015. 240 с.
32. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. М., 2002. 64 с.
33. Козловский Д.В. Мультиmodalные средства интенсификации эвиденциального воздействия в политическом медиадискурсе // Саратовский

государственный технический университет. 2022. С. 145–154.

34. Майер П.Г. Речевое действие вне речевой ситуации: Очерки теоретических и эмпирических аспектов структуры иллокутивных функций во «внеситуативных» текстах // Общественные науки за рубежом. М.: РЖ. Сер.: Языкознание. 1985. Т. 6. С. 53–56.

35. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

36. Маслин Е.П. Ядерная политика России проблемы и перспективы // Научные записки ПИР–Центра. 2000. Вып. 14. 9–17 с.

37. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.

38. Нагибина И.Г., Куликова Л.В. Китайский культурологический дискурс-анализ: методология и параметры исследования // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19. № 9: С. 9–18.

39. Назарова Н.Е. К определению понятия военно-политического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки, 2021. 69–82 с.

40. Наминова Г.А. Политический дискурс в современной России: Проблемы достижения общественного согласия. М.: 2001. 192 с.

41. Наумова К.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. Вып. 4. С. 15–21

42. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.

43. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика / под ред. О.Б. Сиротининой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 232 с.

44. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2005. 302 с.

45. Переверзев Е.В., Кожемякин Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Лингвистика и межкультурная коммуникация.

2008. Вып. 2. С. 75–78.

46. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1998. 597 с.

47. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Антиномии. 2014. Вып. 14. С. 65–77.

48. Сафранчук И.А. Развитие ядерной политики России // Научные записки ПИР–Центра. 2000. Вып. 14. 18–25 с.

49. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиа́текст» // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2005. Вып. 2. С. 7–16.

50. Сулейманова А.К. «К определению понятия «Дискурс» // Языковое бытие человека и этноса. 2009. Вып. 15. С. 162–165.

51. Сычева Е.В. Понятие дискурса масс-медиа и его изучение // Соискатель. Кафедра русского языка. 2002. № 1. С. 10–15.

52. Темникова Л.Б. Дискурс–анализ массмедиа // Цифровизация. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. № 9. С. 15–16.

53. Шашок Л.А. Характерные особенности военного дискурса // Политическая лингвистика. 2018. С. 116–119.

54. Шмакова Г.А. Стратегии конфронтации и сотрудничества в интервью В. Познера // Журналистский ежегодник. 2015. С. 192–197.

55. Шпомер Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики как фактор эффективной коммуникации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2013. С. 109–113.

56. Berendonner A. Anaphore et connecteurs pragmatiques // La grammaire modulaire. Paris, 1982. С. 215–246.

57. Pelopidas B. Nuclear Weapons Scholarship as a Case of Self-Censorship in Security Studies. Journal of Global Security Studies: Sage, 2016. С. 326–333.

58. Wood L.A., Kroger R.O. Doing discourse analysis: Methods for

studying action in text and talk. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. 240 p.

59. Kull S., Ramsay C. World Public Opinion Survey. World public opinion: 2008. 68 p.

60. 陈汝东。论话语研究的现状与趋势。浙江大学学报, 2008. [Чэнь Жудун. Статус-кво и тенденции дискурс-анализа].

61. 王金志。美加快推进核力量全面现代化 其核政策虚伪欺骗本质暴露无遗, 2022。[Ван Цзинчжи. Соединенные Штаты и Канада быстрыми темпами продвигают всеобъемлющую модернизацию своих ядерных сил, и лицемерный характер их ядерной политики становится очевиден].

62. 魏云。政治语言中的隐喻研究—以政府工作报告（2006—2010）为例。曲阜：中国学术期刊电子杂志社, 2011。 [Вэйюнь. Исследование метафор в языке политики на примере отчета о работе правительства (2006—2010)].

63. 兰丽媛。论博客对大众传媒的影响。大同：太原大学学报, 2010。 [Лань Лиюань. О влиянии блогов на средства массовой информации].

64. 黄购。博客：自媒体还是大众媒体。保定市：河北人学学报（哲学社会科学版），2006。 [Хуангоу. Блог: «Мы – Медиа» или средства массовой информации].

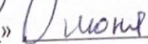
Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра восточных языков

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 И.Г. Нагибина

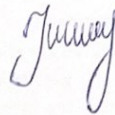
«24» 2024 г.

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

45.05.01 Перевод и переводоведение

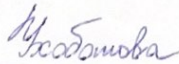
**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИКИ ЯДЕРНОГО ВООРУЖЕНИЯ
КНР В КИТАЙСКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ**

Научный руководитель

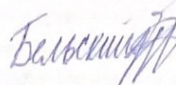
канд. филол. наук,
доц., зав. каф. ВЯ
И.Г. Нагибина

Научный консультант

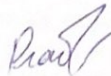
преп. каф. ВЯ
С.В. Ухоботова

Выпускник

А.С. Бельский

Нормоконтролер

И.А. Рабцевич

Красноярск 2024